

Римская политика

Фрэнк Фрост Эббот

ROMAN POLITICS

BY

FRANK FROST ABBOTT

*Kennedy Professor of Latin Language and Literature
Princeton University*

MARSHALL JONES COMPANY

BOSTON • MASSACHUSETTS

The Project Gutenberg eBook of Roman politics

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Римская политика

Автор: Фрэнк Фрост Эббот

Дата выхода: 13 мая 2022 [eBook #68064]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: Соединенные Штаты: Marshall Jones Company, 1923

Кредиты: Charlene Taylor and the Online Distributed Proofreading Team at <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK РИМСКАЯ ПОЛИТИКА ***

Наш долг перед Грецией и Римом

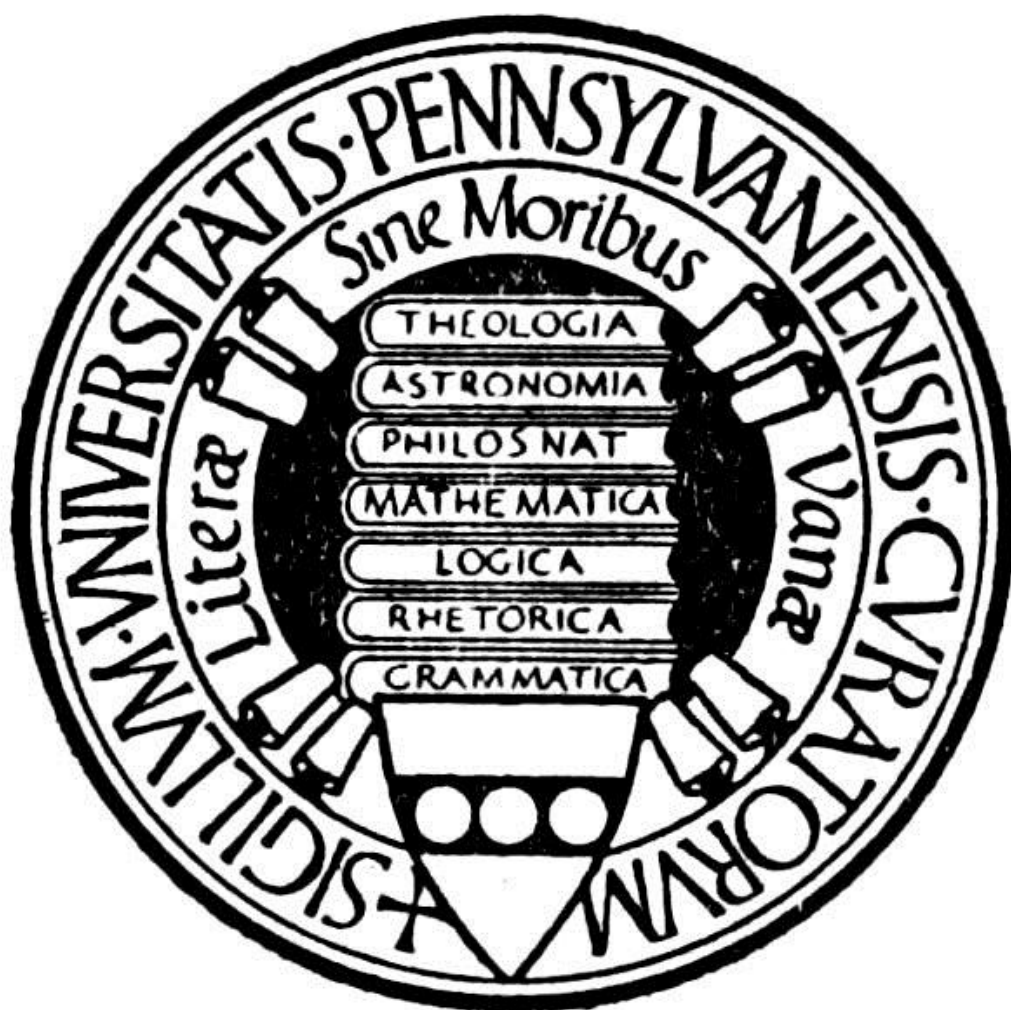
РЕДАКТОРЫ

Джордж Депо Хадзиц, доктор философии.

Пенсильванский университет

Дэвид Мур Робинсон, доктор философии, доктор права.

Университет Джона Хопкинса

ЖЕРТВОВАТЕЛИ ФОНДА "НАШ ДОЛГ ПЕРЕД ГРЕЦИЕЙ И РИМОМ", БЛАГОДАря ЩЕДРОСТИ
КОТОРЫХ СТАЛО ВОЗМОЖНЫМ СОЗДАНИЕ БИБЛИОТЕКИ

Наш долг перед Грецией и Римом

Филадельфия

- Доктор Астли П. К. Эшхерст
- Джон К. Белл
- Генри Х. Боннелл
- Джаспер Йитс Бринтон
- Джон Кадвелейдер
- Мисс Клара Комегис
- Мисс Мэри Э. Конверс
- Артур Г. Диксон
- Уильям М. Элкинс
- Уильям П. Гест

- Джон Гриббел
- Сэмюэл Ф. Хьюстон
- Джон Стори Дженкс
- Альба Б. Джонсон
- Мисс Нина Ли
- Джордж Макфадден
- Миссис Джон Маркое
- Джулс Э. Мастбаум
- J. Воган Меррик
- Эффингем Б. Моррис
- Уильям Р. Мерфи
- Джон С. Ньюболд
- S. Дэвис Пейдж (*мемориал*)
- Оуэн Дж. Робертс
- Джозеф Г. Розенгартен
- Джон Б. Стетсон-младший
- Доктор Дж. Уильям Уайт (*мемориал*)
- Филадельфийское общество содействия либеральным исследованиям.

Бостон

- Орик Бейтс (*мемориал*)
- Фредерик П. Фиш
- Уильям Амори Гарднер
- Джозеф Кларк Хоппин

Чикаго

- Герберт В. Вольф

Цинциннати

- Чарльз Фелпс Тафт

Детройт

- Джон В. Андерсон
- Декстер М. Ферри-младший

Нью-Йорк

- Джон Джей Чепмен
- Уиллард В. Кинг
- Томас В. Ламонт
- Элиху Рот
- Мортимер Л. Шифф
- Уильям Слоан

И один автор, который попросил не называть его имени:

Maecenas atavis edite regibus, O et praesidium et dulce decus meum.

Вашингтон

- Посольство Греции в Вашингтоне от имени греческого правительства.

РИМСКАЯ ПОЛИТИКА

ФРЭНК ФРОСТ ЭББОТТ

*Кеннеди, профессор латинского языка и литературы
Принстонского университета*

КОМПАНИЯ МАРШАЛЛ ДЖОНС
БОСТОН - МАССАЧУСЕТС

АВТОРСКОЕ ПРАВО - 1923 - КОМПАНИЯ МАРШАЛЛА ДЖОНСА

Все права защищены

Отпечатано в мае 1923 года

ПРЕССА ПЛАМПТОН - НОРВУД - МАССАЧУСЕТС

ОТПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА	СТРАНИЦА
Вкладчики фонда	ii
I. Римская система правления	
1. Доавгустовский период	3
2. Послеавгустовская	31
II. Римская политика и современная политика	
1. Рим и Римская церковь	47
2. Индивид и государство	51
3. О конституциях	67
4. Законодательная и исполнительная ветви власти	74
i. Сходство между древними и современными	74
ii. Различия между древними и современными	80
5. Судебная власть	95
6. Концепция гражданства	103
i. В мирное время	103
ii. В военное время	106
7. Налогообложение и финансы	108
8. Империализм	115
III. Некоторые политические и социальные проблемы, общие для римлян и современных народов	138
1. Цвет и вопросы труда	139
2. Голосование и выборы	140
3. Политический босс	144
4. Отзыв	147
5. Пенсии, премии и милитаризм	149
6. Случаи патернализма	152
7. Рост городов	160
IV. Некоторые заключительные размышления	164
Примечания	171
Библиография	175

РИМСКАЯ ПОЛИТИКА

I. РИМСКАЯ СИСТЕМА ПРАВЛЕНИЯ

1. Доавгустовский период

Римская политическая история имеет для нас необычное значение и ценность, потому что римлянам пришлось столкнуться со многими проблемами, которые стоят перед нами сегодня, и их опыт был столь обширен. Немногие народы могут похвастаться непрерывной тысячелетней историей, и, пожалуй, ни один из них не испытал столько различных форм правления. Ранняя монархия уступает место олигархии, которую в свою очередь сменяет демократия. Последовавшее за этим двойное правление принца и сената перерастает в империю, а император со временем становится самодержавным монархом. В этот тысячелетний период с седьмого века до нашей эры по четвертый век после нее мы можем увидеть на практическом опыте римского народа сильные и слабые стороны аристократии, плутократии, парламентского правления, демократической империи и автократии. В истории Рима мы также можем проследить развитие города-государства в империю мирового масштаба. На заре своего существования территория Рима занимала едва ли сотню квадратных миль. Затем последовало одно за другим завоевание Центральной Италии, всего полуострова, Западного Средиземноморья, греческого Востока, Западной Европы и региона Дуная, пока власть Рима не распространилась от Сахары до Рейна, от Тигра и Евфрата до Атлантики. Это колоссальное территориальное расширение, в результате которого в пределах государства оказались люди разных рас, цветов кожи и религий, потребовало постоянного пересмотра и корректировки политических форм и методов, а также решения бесчисленного множества новых политических проблем. Сегодня почти во всех наших колониях или зависимых территориях, на Филиппинах, в Азии и Африке, нам приходится иметь дело только с народами, менее развитыми в цивилизации, чем мы, но римлянам пришлось не только цивилизовать и управлять строптивыми племенами Галлии и Испании, но и заставить свою власть уважать на греческом Востоке, среди народов, которые могли похвастаться цивилизацией гораздо выше и старше их собственной. То, что город-государство со старыми и узкими местными социальными и политическими традициями, которыми обладал Рим, смог приспособиться к управлению мировой империей, состоящей из таких разнообразных элементов, как Римская империя, - одно из чудес истории, и изучение методов, которыми он руководствовался, не может не пролить свет на политические вопросы, с которыми нам приходится сталкиваться сегодня. Диапазон социальных и экономических условий, через которые прошел Рим, столь же широк. Римляне выходят на сцену истории как примитивный пастушеский народ с крепостями на холмах. Со временем они построили по всему миру города, красота и великолепие которых, пожалуй, никогда не были превзойдены. Их правительство должно было идти в ногу с этими социальными и экономическими изменениями и, следовательно, адаптироваться практически ко всем возможным состояниям общества.

Несмотря на все эти факты, можно задаться вопросом, может ли наша цивилизация иметь много общего с цивилизацией, столь отдаленной от нее во времени, и будет ли изучение такого древнего общества иметь для нас нечто большее, чем интеллектуальный или исторический интерес. Это было бы верно, если бы мы изучали политическую систему почти

любого другого народа древности. Нам трудно понять или сочувствовать социальным или политическим идеям египтян, ассирийцев или персов. Возможно, даже в политическом опыте греков нелегко найти много полезного для нас. Но с римлянами все иначе. Если бы иммигрант из Древнего Рима первого века до нашей эры завтра высадился в Нью-Йорке, ему потребовалось бы меньше подготовки для понимания нашего политического механизма, чем многим современным иммигрантам, потому что англосаксы и римляне проявляют одни и те же черты в своей политической жизни. Оба народа - оппортунисты. Оба народа склонны встречать новую ситуацию, внося как можно меньше изменений в старый механизм. Оба они обладают большим количеством практического здравого смысла и не придают большого значения формальной логике и последовательности. У римлян был институт рабства, а мы создали сложную промышленную систему благодаря применению пара и электричества, и пар и электричество изменили внешние аспекты нашей жизни. Но эти различия не оказали глубокого влияния на политическое мышление двух народов. У нас мало общего с другими народами древности. Еще меньше у нас общего с народами Средневековья. Идеалы рыцарства, феодализма, средневековой церкви, погружения личности в общество совершенно чужды нашему образу мышления. Возможно, именно непостижимый характер этих пятнадцатисот лет средневековой цивилизации, отделяющих наше время от времени римлян, не позволил нам признать свое политическое родство с римлянами. Из этого сходства между римской цивилизацией и нашей, а также между римским характером и нашим собственным, не обязательно следует, что их система правления была близка к нашей или что мы унаследовали многие политические институты непосредственно от них. Однако из этого, естественно, следует, что многие из их политических проблем были похожи на наши, а их методы их решения - на наши. В некоторых случаях они решили эти проблемы с большим или меньшим успехом, в других - потерпели неудачу. Таким образом, наследие, которое они передали нам, - это практическая демонстрация в их политической жизни достоинств одних форм правления и одних методов решения политических и социальных вопросов и слабости других. Точки сходства между древними и современными, а также значительная степень нашего прямого и косвенного наследования будут определены позже.

Естественным политическим образованием в античности был город с небольшой территорией вокруг него. Такое положение вещей римляне четко осознавали при определении статуса завоеванных территорий в Италии и за морем. Так, после завоевания Сицилии Рим договорился об управлении островом не с правительством, представляющим всю Сицилию, а с шестьюдесятью восемью отдельными городами и поселениями острова, и граждане Сиракуз или Агригентума получали те права, которые у них были, не от того, что они были сицилийцами, а от того, что они жили в одном или другом из этих двух городов.^[1] Эта политическая система, основанная на независимой жизни небольшой общины, достаточно хорошо знакома нам по истории таких итальянских городов, как Венеция, Флоренция и Сиена в Средние века, и, прежде всего, по истории Женевы при Кальвине. На самом деле политический институт древности, который прожил самую долгую жизнь и сохранил свою историю до наших дней, - это город-государство. Сотни надписей из разных частей света показывают нам форму правления, которую имели эти муниципалитеты в римские времена. Управление делами находилось в руках исполнительной власти, небольшого собрания избранных людей и всего населения. Сравнительная сила этих трех элементов была различной в разных городах и менялась от периода к периоду в истории каждого города. Именно такое правительство мы находим в городе Рима в ранние времена. Непрерывность ему придавал сенат, или собрание старейшин местных родов, которые после смерти царя назначали одного из своих членов для выбора преемника царя, вступление которого в должность зависело от одобрения сената и народа.

В результате аристократической революции царство было свергнуто, а место царя заняли два ежегодно избираемых магистрата, названных впоследствии консулами, которые имели право вето на действия друг друга. Консулы выбирались из числа патрициев, или правящих семей, и по истечении года снова становились патрициями. Поэтому в своих действиях они должны были в значительной степени руководствоваться сословными предрассудками. В результате положение классов, лишенных политических привилегий, становилось невыносимым. Еще один элемент ситуации усугублял трудности. Расположенный в центре Италии, на судоходной реке и достаточно далеко от ее устья, чтобы быть в безопасности от пиратов, Рим быстро рос, и приход в город большого числа иммигрантов оказал глубокое влияние на его политическую историю. Новоприбывшие не обладали теми же гражданскими и политическими правами, что и члены исконных кланов, и находились в неблагоприятном экономическом и социальном положении.

Конституционная история Рима на протяжении нескольких веков посвящена борьбе этих людей и других представителей низших классов за устранение ограничений, наложенных на их права в этих четырех аспектах. Естественным способом защиты гражданских прав общинников от произвола патрицианского консула было ограничение его полномочий законом. Но римляне не приняли этот метод. Они выбирали представителей сословий, называемых трибунами, которые имели право лично вмешаться в ситуацию, когда с плебеем поступали несправедливо, и помешать главному магистрату осуществить задуманное. Для римлянина, как мы увидим в других случаях, характерно использовать этот конкретный, личный способ проведения конституционной реформы. Плебеи были в невыгодном положении еще и потому, что их держали в неведении относительно юридической процедуры и они не могли отстаивать свои права перед магистратом. Детали закона или принятые обычаи были известны только патрицианским жрецам и передавались из уст в уста от одного поколения к другому. Примерно в середине пятого века, после долгой борьбы, этот закон был кодифицирован и выгравирован на двенадцати бронзовых табличках, а сами таблички были вывешены на Форуме, где их мог прочесть любой желающий. Эти Двенадцать таблиц^[2] римляне считали основой своей гражданской свободы, и их вполне можно поставить в один ряд с Моисеевым кодексом, законами Хаммурапи, Гортинским кодексом и Магна Чартой. Как мы увидим позже, они не содержали формулировок общих прав, но четко и детально определяли процедуру, которой необходимо следовать в гражданских и уголовных делах. Если верить традиции, обе эти битвы с патрициями были выиграны с помощью очень современного метода прямого действия.

Завоевание гражданских прав принесло плебеем больше политических прав, чем они имели до этого. Теперь им необходимо было организовать собственное народное собрание, чтобы избирать трибунов; трибун стал их политическим лидером, и в течение следующего столетия под его руководством плебеи заставили патрициев допустить их к консульству и, как следствие, к другим важным магистратурам.

В ранние времена патриции составляли не только тесную корпорацию в политическом плане, но и социальную касту. Сыновья патрициев, женившиеся на плебейках, теряли патрициат и все социальные, политические и религиозные привилегии, которые к нему прилагались. В пятом веке Канулейским законом было гарантировано право вступать в брак без потери привилегий. Отныне государство стремилось стать единым целым, а не двумя отдельными общинами, и в будущем, когда интересы двух классов вступали в конфликт, видные патриции часто оказывались под влиянием родственных связей, чтобы поддержать плебеев в критические моменты.

Четвертым вопросом, вокруг которого разворачивалась борьба в ранний период, был земельный вопрос. Это была извечная борьба между крупным землевладельцем, с одной стороны, и крестьянином-собственником, арендатором и свободным рабочим - с другой. По мере того как Рим завоевывал новые территории в центральной Италии, крупным землевладельцам удавалось получить большую их часть от государства за номинальную арендную плату. Постоянные войны, в которых участвовал Рим на протяжении своей ранней истории, призывали на фронт и богатых, и бедных, но рабы и иждивенцы богача поддерживали его землю в рабочем состоянии, в то время как крестьянские владения, оставшиеся без обработки, неуклонно приходили в упадок. Крестьянину также было трудно конкурировать с крупным землевладельцем, который вел крупное хозяйство и использовал рабский труд, а свободный работник был раздавлен в конкуренции с рабом. Решение этих трудностей было найдено в законах Лициния IV века и в более позднем законодательстве. Но это законодательство не достигло корня проблемы, и земельный вопрос в той или иной форме мучил римлян на протяжении многих поколений. Законы Лициния, возможно, дополненные более поздним законодательством, ограничивали количество акров государственной земли, которые мог занимать человек, предусматривали, что проценты, уже выплаченные по долгам, должны вычитаться из основной суммы, и устанавливали пропорциональное количество свободных рабочих и рабов, которые должны быть заняты в поместье. Первое и второе положения были призваны защитить крестьянина-собственника и предотвратить рост крупных поместий за его счет. Если бы эти три меры достигли своей цели, то не произошло бы того дрейфа из деревни в город, который в конце концов погубил Римскую империю и который является одной из опасных тенденций сегодня.

Быстрый рост Рима и завоевание им прилегающих территорий не только вывели на поверхность экономические вопросы, которые мы только что обсуждали, но и потребовали увеличения числа магистратов, чтобы управлять большим населением и соответствовать более сложным условиям, которые возникли. В раннереспубликанский период единственными важными должностными лицами, наделенными позитивными полномочиями, были два консула. Они председательствовали на заседаниях сената и собраний, состоявших из всего народа, и были главными руководителями, судебными и финансовыми чиновниками общины. Они контролировали завоеванные районы Италии, представляли город в отношениях с иностранными государствами и командовали армией. Эти многообразные обязанности, а особенно отсутствие консулов в городе во время войны, привели к необходимости освободить их от некоторых гражданских функций. Первым шагом в этом направлении стало повышение значимости мелкого полицейского чиновника - эдила. На него была возложена обязанность поддерживать порядок в общественных местах, следить за торговыми операциями, а позже, как естественное развитие этих двух функций, отвечать за общественные игры и обеспечивать город зерном. Финансовые обязанности консула были переданы цензору. В первую очередь, конечно, это сбор налогов и расходование государственных средств. Чтобы составить правильный список облагаемого налогом имущества, цензор требовал от каждого гражданина каждые пять лет являться к нему и давать отчет о своем имуществе, делах и основных фактах своей жизни. Таким образом, цензоры не только знали финансовое положение каждого римлянина, но и были знакомы с его профессией и моральным обликом в обществе. Теперь ценность голоса гражданина в главном народном собрании зависела от количества имущества, которым он владел, а некоторые занятия считались ниже достоинства сенатора или могли помешать бескорыстному исполнению его обязанностей. В более поздние времена включение в новый социальный порядок рыцарства также зависело от обладания определенным количеством имущества. Поэтому вполне естественно, что цензоры, имея всю необходимую информацию, должны были взять на себя ответственность за распределение граждан по местам в

центуриатных собраниях и за пересмотр каждые пять лет списков сенаторов и рыцарей. Эта попытка надзора за нравственностью общества - один из самых интересных экспериментов в управлении, когда-либо предпринятых римлянами. Она охватывала некоторые социальные пороки, такие как расточительность и трусость, которые суды не могли с легкостью рассмотреть, а наложенные наказания, такие как потеря права голоса в собрании или исключение из списка сенаторов или рыцарей, были суровыми. Это может свидетельствовать о постепенном росте богатства общества и угрозе исчезновения простой жизни и простых добродетелей старого времени. Цензоры старались поддерживать моральные и социальные стандарты прежних дней. Пока цензура процветала, отклонения от этих норм не были определены законом, а определялись чиновниками, решения которых нельзя было обжаловать. Возможно, ни один чиновник в истории Рима не обладал такой абсолютной властью в пределах, установленных наказаниями, которые могли быть наложены.^[3] Это учреждение играло важную роль в течение многих десятилетий, но к концу второго века до нашей эры население стало настолько большим, что проверка дел и жизни каждого гражданина стала невозможной. Одну из целей, которую римляне пытались достичь установлением цензуры, они попытались достичь позднее путем принятия законов о суммировании.

Рост Рима и, как следствие, увеличение количества государственных дел привели к тому, что в 367 году римляне отобрали у консула его судебные функции, так же как ранее освободили его от полицейских обязанностей и финансовых дел. Отныне его место в судах занял новый магистрат - претор. Ни одному другому институту римской политической системы современный мир не обязан так сильно, как должности претора. Поначалу в Риме был только один претор, и поскольку его обязанности ограничивались городом, его называли городским претором. Сто лет спустя, когда добавился второй претор, чтобы рассматривать дела, в которых одной или обеими сторонами были иностранцы, нового чиновника называли перегринским претором, и в его судах были разработаны принципы права народов. В конце концов Сулла довел число преторов до восьми. С учреждением должности претора прочно утвердилась современная судебная система, состоящая из судьи и присяжных, и было положено начало развитию римского права. При вступлении в должность претор издавал эдикт, содержащий максимы права и формы судопроизводства, которыми он должен был руководствоваться в течение всего года пребывания в должности. Этот документ следовал эдикту его предшественника с теми изменениями и дополнениями, которых требовали его собственные суждения и потребности времени. Таким образом, закон становился живым существом и постоянно приспосабливался к меняющимся потребностям общества. О более поздней истории эдикта и некоторых дополнениях к обязанностям претора у нас будет повод рассказать в другой связи.

Усиление власти трибунов в этот период почти превратило его должность в новую. Со свойственной им нерешительностью в отношении внесения радикальных изменений в конституцию и склонностью к конкретным действиям римляне с самого начала требовали от трибуна личного вмешательства, когда с гражданином обращались жестоко. Но со временем здравый смысл подсказал им, что гораздо лучше позволить трибуну зафиксировать свое несогласие с законопроектом, когда он находится на рассмотрении, чем препятствовать исполнению закона. Это изменение дало огромную власть в руки трибуна в его борьбе с сенатом и знатью.

В ранний период сенат состоял из представителей ведущих родов, но по мере усложнения государственных дел при составлении списка сенаторов цензоры отдавали предпочтение бывшим магистратам, которые уже имели опыт государственных дел, и со временем эта

практика была оформлена в закон. Люди, которые становились сенаторами в силу того, что занимали, например, должность претора или консула, избирались в магистратуру, конечно, народом, но престиж кандидата, который мог указать на магистратов среди своих предков, был настолько велик, что у "нового человека" практически не было шансов быть избранным против него. Результат был двояким. Была создана новая аристократия, состоящая из бывших магистратов и их потомков. Во-вторых, сенат, отныне состоявший из людей, имевших опыт управления в стране и за рубежом, легко получил верховенство как над магистратами, занимавшими свои посты всего год, так и над народными собраниями, громоздкими и плохо информированными в важных вопросах. В течение полутора веков, вплоть до времени Гракхов (то есть II века до н. э.), эта знать сохраняла свою власть, а Римом управлял парламент. Такое положение вещей тем удивительнее, что в начале этого периода демократия одержала полную победу, а решения народного собрания принимались как окончательные по всем вопросам. Эта аномалия легко объясняется тем, что сенат контролировал магистратов; они могли только вносить законопроекты на рассмотрение собраний и не смели представлять меры, которые сенат не одобрял.

Возвышение сената в этот период было в немалой степени обусловлено необходимостью заниматься важными внешними делами, для которых народ не был достаточно квалифицирован. Между 287 и 133 годами произошли война с Пирром и захват Южной Италии, три войны с Карфагеном и завоевание Западного Средиземноморья, войны с Македонией и покорение Восточного Средиземноморья. К 133 году территория Рима включала практически все земли, граничащие со Средиземноморьем. Управление этой новоприобретенной империей было особенно сложной задачей для города-государства. Однако она несколько упрощалась тем, что в конечном итоге Риму приходилось иметь дело с такими же городами-государствами, как он сам. В Италии она с самого начала предоставила завоеванным городам гражданские права и право на самоуправление. Социальная война 91-89 гг. до н. э. заставила ее предоставить им также политические права римских граждан. Отныне Италия была единым политическим целым, но, поскольку голосование могло проходить только в Риме, избиратели за пределами города находились в невыгодном положении. Римская республика так и не смогла отойти от традиций города-государства настолько далеко, чтобы признать тот факт, что граждане могли голосовать не только в Риме, или что другие общины могли посылать своих представителей в Рим.

Чтобы создать новую провинцию за пределами Италии, сенат направил комиссию из десяти человек для сотрудничества с римским полководцем в разработке хартии. В этом документе провинция делилась на судебные округа, а статус каждого города определялся либо отдельным договором с Римом, либо законодательным актом. Провинциальным городам обычно разрешалось сохранять свои сенаты, народные собрания, местных магистратов и суды. Некоторые из них были "свободными городами", освобожденными от налогов, но большинство из них были обязаны платить фиксированную сумму налогов или передавать Риму определенную часть ежегодного дохода с земли. Ставка налога была невысокой, но передача налогов подрядчикам, единственным желанием которых было вымогать у провинциалов как можно больше, делала налогообложение в провинциях деспотичным. Римские губернаторы часто были в союзе с денежными интересами в Риме и сами стремились пополнить свои карманы во время пребывания за границей. После некоторого периода экспериментов римляне пришли к практике отправки бывших консулов и бывших преторов в качестве губернаторов провинций. Эти люди имели опыт в государственных делах, но срок их полномочий был настолько коротким, что они плохо знали местные условия и мало сочувствовали провинциалам. Общественные настроения в Риме не могли привести к

переменам, потому что, как и большинство демократий, римская демократия мало интересовалась благосостоянием провинциалов[4].

Трибунат двух Гракхов[5] в конце рассматриваемого нами периода положил начало столетней революции, которая в конечном итоге свергла олигархию и привела к империи. Внимание Тиберия Гракха было обращено на постепенное исчезновение крестьян-собственников из Италии, на ненормальный рост города за счет деревни и на вытеснение среднего класса. Он и его брат взялись за исправление ситуации, ограничив размеры помещичьих владений, раздав государственные земли крестьянам, и отправив городской пролетариат в колонии в Италии и за границей. В этих планах Тиберий встретил яростное сопротивление сената, но, несмотря на усилия сената, провел свои меры через народное собрание. Этим действием, а также "отзывом" враждебного трибуна он нанес смертельный удар по престижу сената, который контролировал законодательство на протяжении полутора веков. Десять лет спустя, добившись принятия в народном собрании одного законопроекта о поставках зерна беднякам Рима по цене ниже рыночной, другого - о наложении штрафа на магистрата, выполнявшего окончательное постановление сената о приостановлении действия некоторых конституционных гарантий, и третьего - о налогах в Азии, Гай, брат Тиберия, подтвердил право народного собрания быть контролирующим фактором в законодательстве по внутренним и внешним делам. Политическая история Рима на протяжении следующего столетия - это продолжение борьбы между аристократией и демократией, в которой попеременно верх одерживает то один, то другой участник. Развитие империи и необходимость постоянной армии для ведения войн за границей и поддержания порядка, в конце концов, придали борьбе решающий оборот.

Чтобы сохранить свою целостность, олигархия должна сохранять небольшую численность и не позволять отдельным лицам завоевывать слишком большое положение или популярность. Традиционное признание массами определенных семей как единственных семей, способных обеспечить правителей для государства, сохраняло дворянство в качестве тесной корпорации. Для достижения второй цели, то есть предотвращения слишком быстрого восхождения амбициозного человека к власти, слишком долгого удержания его авторитета и слишком сильной и компактной поддержки, сенат ограждал магистратуры рядом правовых гарантий. Строгие законы, принятые еще при Гракхах против взяточничества и предписывающие тайное голосование, были приняты для защиты знати, а не в интересах морали. Сначала обычаи, а затем и законодательство установили минимальный возраст для большинства должностей, определили определенный порядок их занятия и требовали интервала между занятием двух очередных магистратур. Реакционная переработка конституции при Сулле хорошо иллюстрирует политику аристократов в этих вопросах. В ней важные магистратуры располагались в порядке квесторства, эдильства, преторства и консульства, и между каждым из них требовался двухлетний интервал. Минимальный возраст для консулата составлял сорок три года, и никто не мог быть переизбран в магистратуру до истечения десятилетнего срока. По сути, это та система, которая была постепенно выработана в период расцвета олигархии. Кроме того, основополагающим принципом Республики всегда было то, что ни один магистрат не должен занимать свой пост более года, за исключением цензора, срок полномочий которого составлял восемнадцать месяцев. Это положение конституции отнимало у магистрата власть и желание начинать политические действия. Прежде чем стать консулом, он много лет был сенатором. Через двенадцать месяцев он снова станет сенатором. За короткий срок пребывания в должности он не утратил классового самосознания. Если бы он захотел заявить о себе, это было бы невозможно. Сенат был органом подготовленных администраторов, многие из которых обладали более глубокими техническими знаниями по

обсуждаемым вопросам, чем он сам. Это был орган людей, связанных между собой взаимными интересами, за которыми стояла многовековая традиция. Опасность этой системы для олигархии заключалась в том, что губернатор провинции получал армию и неограниченную власть. Сенат старался минимизировать эту опасность, крепко держась за кошельки при ассигновании денег и голосовании за войска для провинций, а также требуя от губернаторов представлять свои решения в провинциях на ратификацию сенату по истечении срока их полномочий.

Упадок парламентаризма в столетие между Гракхами и Цезарем можно проследить по утрате этих гарантий, одной за другой. Беспорядки внутри страны, давление войн за рубежом и доминирование армии привели к их игнорированию. Один из таких случаев произошел к концу второго века до нашей эры. Сенаторские лидеры проявили большую некомпетентность и продажность в кампании против нумидийского царя Югурты, и народная партия заставила избрать в консулы Мария, человека скромного происхождения, и передала ему командование войсками в Африке. Его блестящий успех в этой войне заставил народ обратиться к нему в 104 году, когда кимвры и тевтоны обрушились на Италию и нанесли поражение аристократическим лидерам. Он снова добился успеха и год за годом избирался в консулы, пока в 100 году не занял этот пост в шестой раз. Популярность Мариуса привела его сына к консулату еще до того, как он достиг двадцатого года жизни. Двадцать пять лет спустя сам сенат был вынужден отказаться от важной черты своей политики. Серторий, блестящий демократический лидер, утвердился в Испании; он заключил союз с Митридатом, смертельным врагом Рима на Востоке, и угрожал вернуться в Италию и вернуть демократию к власти. Чтобы предотвратить эту опасность, сенат назначил Помпея проконсулом, хотя тот еще не занимал даже квесторского поста, и отправил его в Испанию с 40 000 солдат. Немного позже Габинийский и Манилийский законы, проведенные демократией вопреки энергичному сопротивлению олигархии, наделили его чрезвычайными полномочиями на длительный срок для ведения войн против киликийских пиратов и против Митридата. Диктатура Суллы в 82 году до н. э. и единоличное консульство Помпея в 52 году, ставшие результатом беспорядков в Риме, нарушили принцип коллегиальности, который был одной из важнейших гарантий олигархии. Таким образом, в течение ста лет со времен Гракхов все оплоты, возведенные аристократией для защиты своего положения, были разрушены. На пост консула были поставлены "новые люди". Народные любимцы достигали этого поста до достижения минимального возраста, требуемого для кандидатов, и мужчины свободно переизбирались на него. Установленный "порядок должностей" и принцип коллегиальности были нарушены.

В борьбе за власть демократия потерпела поражение при подавлении заговора катилинов в 63 году до н. э., поэтому, когда Помпей вернулся из похода против Митридата в следующем году, сенат решил отложить ратификацию его соглашений в Азии и награждение его ветеранов. Это заставило его объединиться с демократическим лидером Цезарем и Крассом, чье богатство и финансовые связи делали его человеком с большим влиянием. В 60 году до н. э. эти три политических лидера образовали договор, известный как Первый триумвират, который в течение нескольких лет руководил политикой Рима, контролируя народное собрание.^[6] Цезарь получил должность консула, а затем и важное командование в Галлии. смерть Красса во время кампании в Парфии поставила Цезаря и Помпея лицом к лицу. Помпей, остававшийся в Риме, в конце концов переметнулся на сторону сенаторской партии, и когда в 49 году до н. э. сенат попытался заставить Цезаря отказаться от своей галльской провинции и началась гражданская война, Помпей был поставлен во главе армии, действовавшей против Цезаря. Успехи Цезаря в войне сделали его бесспорным хозяином Рима, и перед смертью он стал пожизненным диктатором. Освободители, как они себя

называли, предприняли последнюю атаку на старый режим, но были разбиты при Филиппах, а победители, Октавий, Антоний и Лепид, образовали Второй триумвират, члены которого не довольствовались неофициальным положением политических начальников, как это делали Цезарь, Красс и Помпей, а закрепили свою самодержавную власть законодательным путем через народное собрание. Устранение одного из членов триумвирата, Лепида, и битва при Актиуме в 31 году до н. э. оставили Октавия, или Августа, каким мы его знаем в более поздней жизни, под неоспоримым контролем государства. Революция была завершена. Старый государственный механизм сломался под тяжестью политики империализма.

Парламентаризм и узкая политика города-государства были плохо приспособлены к управлению империей. Большие армии и длительные сроки пребывания за границей, которые занимали Марий и Сулла, Помпей и Цезарь, предоставили в их распоряжение больше ресурсов, чем могло дать государство, а римские граждане и провинциалы, которых научили беспрекословно подчиняться им на поле боя, сохранили верность своим старым командирам после возвращения последних в Италию.

2. Послеавгустовский период

Проблема, которая встала перед Августом при пересмотре конституции после битвы при Актиуме, была непростой. Он должен был создать справедливое и эффективное правительство для империи, которая включала в себя южную и центральную Европу, Ближний Восток и северную Африку, не отрываясь слишком сильно от традиций города-государства. Рим должен оставаться столицей. Италия должна занимать привилегированное положение над провинциями, и старые органы власти, старые формы и титулы должны быть сохранены. Политическая жизнь Республики была воплощена в двух институтах, сенате и трибунате. Один представлял аристократию, другой - чаяния демократии. Эти два органа власти составили ядро системы, которую в итоге принял Август. Таким образом, в этом устройстве он строго придерживался традиций старого города-государства.^[7] Другие соображения укрепляли в его сознании аргумент, основанный на традиции. Трибунская власть, которую он получил пожизненно, могла осуществляться почти в любой сфере административной деятельности. Кроме того, эта должность была популярна, поскольку трибун с незапамятных времен был защитником масс и защищал человека от посягательств государства. Вероятно, Август также считал, что власть этой должности, исходя из ее природы и истории, может быть неограниченно расширена во всех направлениях.

За пределами Рима и Италии перед ним стояла задача улучшения условий жизни в провинциях.^[8] В провинциях он также применял двойную систему управления. Надзор за Италией и управление старшими провинциями были возложены на сенат. Пограничные провинции, где были размещены войска, он взял в свои руки. Он руководил их управлением в силу проконсульского *imperium*, которым владел постоянно. В этом случае, как и в случае с трибунской властью, он твердо придерживался старой практики, поскольку проконсулы управляли провинциями на протяжении веков, но он расширил сферу своего *imperium*, чтобы охватить все неустроенные провинции. Благодаря этому он стал главнокомандующим всех легионов. Кроме того, власть принадлежала ему постоянно, и он не был обязан слагать с себя *imperium*, как это делали республиканские проконсулы, въезжая в город. Таким образом, вся империя оказалась под двойным контролем Августа и сената. Это первый в истории случай установления конституционной монархии.

Провинции значительно выиграли от изменений, которые Август внес в методы их управления. Зло республиканской системы проявилось в орациях Цицерона против Верреса, правителя Сицилии, и в письмах, которые он писал, будучи сам правителем Киликии. Губернаторов рассылали по провинциям, не обращая особого внимания на их

компетентность. Они не получали жалованья, а срок их полномочий был коротким. Губернаторы, которых отправил Август, были выбраны по принципу честности и пригодности. Срок их полномочий был достаточно долгим, чтобы они могли ознакомиться с условиями в своих провинциях. Они получали щедрое фиксированное жалованье, и те, кто был способным и честным, могли рассчитывать на постоянное продвижение по службе. Старые провинции все еще находились под контролем сената, но совершенство управления в императорских провинциях оказывало благотворное влияние и на них. Итальянцы и провинциалы приветствовали твердое и стабильное правительство, которое обещало им княжество Августа, в том же духе, в котором французы приняли Луи Наполеона.

Развитие города-государства в мировую империю хорошо иллюстрируется упадком народного собрания, которое представляло узкие, эгоистичные интересы города Рима, и мы не удивлены тем, что при преемнике Августа выборы магистратов были перенесены из этого органа в сенат. Что касается магистратур, то они в значительной степени утратили свою независимость. Август ввел практику рекомендовать определенных кандидатов на должность, и его одобрение гарантировало им избрание. Таким образом, они стали подчиненными в новой исполнительной системе, которой он был главой. Функции управления были разделены между принцем и сенатом, но львиная доля досталась принцу. Сенат не мог успешно отстаивать в отношениях с ним те претензии, которые он предъявлял к ежегодно избираемому магистрату, обладавшему гораздо меньшим авторитетом и властью. Еще одно обстоятельство в значительной степени способствовало ослаблению влияния сената. В свои преклонные годы Август не мог посещать все его заседания. Поэтому он стал посылать свои предложения в письменном виде. Они всегда принимались без изменений, и предложения такого рода, известные как *orationes principis*, со временем стали частью закона страны.

Власть, которой обладал Август, была дарована ему пожизненно или на несколько лет. Было нелегко организовать их передачу преемнику, но он ловко преодолел эту трудность, назвав Тиберия наследником своего личного состояния и наделив его *imperium* и трибунской властью. Теория республиканской магистратуры была сохранена, так как две упомянутые власти были переданы Тиберию сенатом в сотрудничестве с народом, но действия народного собрания были чистым вопросом формы, и можно было рассчитывать, что сенат одобрит выбор принца. Прецеденту, который создал Август, последовали его ближайшие преемники.

Он значительно укрепил свое положение, четко выделив определенные социальные слои из остального населения и поставив их привилегии в зависимость от своей благосклонности. Никто не мог стать сенатором, если не был избран в магистратуру, а успех на выборах требовал поддержки принца. Он придал достоинство рыцарству и определенность его составу, производя важные назначения из его рядов и регулярно пересматривая список рыцарей. Он даже создал аристократию среди вольноотпущенников в муниципалитетах.

Ни один обзор римской политики не был бы полным без некоторого отчета о политической жизни в этих муниципалитетах, поскольку, как мы уже заметили, город был органической политической единицей в античности. Несколько муниципальных хартий,^[9] большинство из которых были найдены за последние пятьдесят-семьдесят пять лет, дают нам четкое представление о муниципальной системе на Западе и о тех усилиях, которые предпринимались в ранней империи, чтобы улучшить ее и сделать единообразной. В городах типичной формы было два местных главных магистрата, соответствующих раннереспубликанским консулам, два мелких магистрата, носивших титул эдилов, сенат или общий совет из ста членов и народное собрание. Принятая система была консервативной,

поскольку контроль над местными делами в значительной степени возлагался на местный сенат, а магистраты были его министрами. В ранней империи большинству городов было позволено сохранять значительную степень самоуправления, и этот факт поддерживал чувство местной гордости и местный патриотизм граждан. Пока города могли свободно управлять своими делами, империя процветала. Когда города утрачивали чувство ответственности или центральное правительство посягало на их права, как это стало происходить во втором веке нашей эры, наступал упадок империи. Именно этому благодатному периоду муниципального процветания со второй половины первого до конца второго века Гиббон отдает свою знаменитую дань в третьей главе своей истории: "Если бы человека попросили назвать период в истории мира, в течение которого состояние человеческой расы было наиболее счастливым и процветающим, он, не задумываясь, назвал бы тот, что прошел со смерти Домициана до воцарения Коммода". В этой связи нам нет нужды останавливаться на том, вызвал ли упадок этого процветания упадок самоуправления или был обусловлен им. Во всяком случае, эти два процесса были одновременными.

Вернемся от этого краткого рассказа о жизни города к истории имперской политики: как мы уже заметили, в системе, которую установил Август, было два признанных источника власти в государстве - принцепс и сенат. Мы говорим "признанные источники власти", потому что на заднем плане вырисовывалась зловещая фигура армии, которая все еще была способна определять судьбы государства, как это было во времена Суллы и Мария, Помпея и Цезаря. Возможно, первый шаг к вмешательству армии в политику мы снова увидели, когда Сеянус, беспринципный префект Тиберия, собрал в Риме все когорты преторианской гвардии. Контроль над этими солдатами, размещенными в столице, стал мощным оружием в руках Сеянуса, но прежде чем он смог нанести удар, его замыслы были раскрыты. Наследственный принцип, который ввел Август, усыновив Тиберия и наделив его императорскими почестями, и которому следовали его ближайшие преемники, на некоторое время стал гарантией престолонаследия. Но когда род Юлиев угас после убийства Нерона, поле боя оказалось открыто для того претендента на императорский престол, за которым стояла самая сильная армия. После года борьбы между четырьмя военачальниками Веспасиан оправдал свои притязания на приз и в 69 году основал новую династию, Флавианскую. Прецедент, созданный Веспасианом, не соблюдался в течение столетия, но с конца II века и до воцарения Диоклетиана в 284 году преторианская гвардия и армия составляли силу, которая делала и не делала правителей Рима. За семьдесят три года, предшествовавших правлению Диоклетиана, сменилось двадцать три императора, почти все из которых были обязаны своим возведением на престол силе оружия и сохраняли свое место на троне до тех пор, пока могли поддерживать расположение своих вооруженных сторонников.

Веспасиан, на захват императорского пурпура которого мы обратили внимание минуту назад, не был уроженцем Рима, как все представители рода Юлиев, и не принадлежал к знатному роду. Эти два факта можно рассматривать почти как предзнаменование больших перемен, которые ему и его преемникам предстояло произвести в положении Рима и Италии в римском мире и в политическом положении сената. Исключительное положение, которое Рим и Италия занимали при республике, было отнято у них частично путем лишения их привилегий, а частично путем поднятия провинций на более высокий политический уровень. Август положил начало новому движению, разместив в Италии войска и взяв под свой контроль муниципальные управления Рима. Через столетие та же участь, что и Рим, постигла и другие итальянские муниципалитеты, и они были вынуждены передать императору контроль над своими финансами и юрисдикцию по всем важным гражданским и уголовным делам. Привилегией, которую сначала Рим, а затем и итальянские муниципии охраняли

наиболее ревностно, было их исключительное право на римское и латинское гражданство. Клавдий отступил от этой традиции, предоставив эти привилегии некоторым галльским городам, а императоры Флавиев нарушили ее еще более ярким образом своим щедрым отношением ко многим городам Испании. Выравнивание Италии до положения провинций в том, что касается гражданства, было завершено, когда Каракалла в 212 году предоставил римское гражданство практически всем свободным людям в империи.^[10] В этой связи можно упомянуть о значительном изменении, которое было сделано в организации армии. Легионы со времен Адриана набирались во всех частях империи, а офицеры теперь набирались не только из западной и латиноязычной части римского мира, но и с Востока. Таким образом, армия перестала быть тем великим романизирующим влиянием, которым она была в прошлом, и, что было еще хуже, выросло чувство местной солидарности, которому в конце концов суждено было стать роковым для единства империи. Именно это чувство породило националистическое движение в III веке, а галльское королевство Постума на Западе в том же веке и королевство Зенобии в Пальмире на Востоке были конкретными проявлениями этого чувства и одновременно предчувствиями будущего распада империи.

Мы заметили не только то, что Веспасиан родился за пределами Рима, но и то, что он был низкого происхождения. Возможно, последний факт отчасти объясняет ту враждебность, которую проявил к нему сенат, и те усилия, которые он предпринял в начале его правления, чтобы утвердить свою власть. Это движение было недолгим. Принцепс и сенат были неравными партнерами в диархии, которую установил Август, и Веспасиан вскоре дал сенату понять этот факт. Еще более отчетливо это проявилось в правление его младшего сына Домициана, который сам стал пожизненным цензором и, пользуясь этой властью, составлял списки сенаторов по своему усмотрению. Традиции города-государства были нарушены, а престиж сената понижен, когда Юлий Цезарь ввел в сенат провинциалов. Этому революционному прецеденту свободно следовали императоры во второй половине I века. Превращение римского сената в орган, состоящий из представителей всех частей империи, было частью более масштабного изменения римского *imperium* в международное мировое государство. Сенату по-прежнему разрешалось избирать императора, но эти выборы означали не более чем формальную ратификацию выбора, сделанного предшественником кандидата или армией, а "кандидаты Цезаря" в магистраты всегда избирались сенатом. Законодательные полномочия сената почти исчезли, поскольку сенат почти полностью уступил императору право инициативы. Мы уже отмечали, какое значение приобрели "беседы принца" в области законодательства. Благодаря предоставленной им возможности объявлять свою волю, а также издавать эдикты, декреты и другие "конституции", как их называли, император почти полностью взял правотворческую власть в свои руки. Единственной реальной властью, которой обладал сенат при империи, уже после того, как его законодательные и избирательные функции утратили большую часть своего значения, было его право заседать в качестве суда, особенно в важных политических делах. В этом качестве он имел право налагать наказания даже в виде изгнания, депортации и смерти, но к началу III века эта юрисдикция, за исключением случаев, когда сенаторы обвинялись в преступлениях, перешла к императору. К концу этого столетия римский сенат завершил цикл и вернулся к статусу, который он имел в первобытном городе-государстве, - муниципальному совету.

Эта постепенная утрата власти сенатом означала, конечно, соответствующее усиление влияния императора, но его верховенство было обеспечено и положительными дополнениями к его власти в других направлениях. В начале II века Адриан создал бюрократический аппарат^[11], настолько большой и систематически организованный, что это позволило ему и его преемникам проникнуть в самые отдаленные уголки империи и

контролировать управление муниципалитетами и жизнь всех граждан. Вероятно, мир никогда не знал столь полной и сокрушительной патерналистской системы, как та, что явлена нам в *кодексах* Феодосия и Юстиниана в пятом и шестом веках.

Дрейф к автократии был значительно ускорен влиянием, которое Египет и Восток оказали на развитие принципата. Возможно, восточная практика отождествления светских и божественных правителей мира так и не нашла полного признания в Риме, но возведение алтарей в провинциях Риму и Августу, присвоение титулов "господин и бог" Домициану его прокураторами, а в третьем веке введение при дворе Элагабала персидской практики воздания божественных почестей государю, присутствие евнухов во дворце Аврелиана и ношение восточной диадемы Диоклетианом достаточно ясно показывают, что княжество приобретает форму восточной деспотии. Концепция власти императора, которую предполагают эти практики, нашла свое выражение в *Кодексе* Юстиниана в VI в. [12] Первые слова рескрипта, в котором Юстиниан уполномочивает Трибониана кодифицировать законы империи, гласят: "Мы, под божественным руководством управляя нашим царством, которое было вверено нам высшими силами, и т. д.". В следующей главе мы увидим, что согласно господствующей теории римских юристов со второго по шестой век император получал свою власть от народа, но это высказывание Юстиниана и другие отрывки *Кодекса* показывают нам зачатки доктрины божественного права королей, которую Рим передал с Востока государствам нового времени. Когда этот момент в развитии империи был достигнут, главенство города Рима исчезло, различие между Италией и провинциями было стерто, римское гражданство потеряло свое значение, величие сената и магистратур померкло, а муниципалитеты, которые были гордостью и славой ранней империи, погрузились в нищету и убогость. На их место пришел самодержец, которого удерживала у власти армия, состоявшая в основном из варваров, и который исполнял свои желания с помощью бюрократии, а та, в свою очередь, опиралась на граждан, разделенных на группы по системе каст и в большинстве случаев привязанных к земле и наследственным занятиям по воле государства.

II. РИМСКАЯ ПОЛИТИКА И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА

1. Рим и Римская церковь

В блестящем аргументе, который Беллок приводит в книге *"Европа и вера"*, чтобы доказать, что "Римская империя с ее институтами и духом была единственным источником европейской цивилизации", он заходит так далеко, что утверждает: "Деления и подразделения Европы, приход, графство, провинция, фиксированные национальные традиции с их границами, пути сообщения между ними... все это полностью происходит от старой Римской империи, нашего источника". Он находит в Римской церкви средство, через которое передавалось это наследство. С этим католическим эссеистом в значительной степени согласен протестантский историк Харнак, который пишет: "Империя не погибла, а лишь претерпела трансформацию..... Римская церковь - это старая Римская империя, освященная Евангелием".

Прежде чем мы рассмотрим некоторые моменты сходства и различия между нашими политическими институтами и институтами Древнего Рима, интересно остановиться на

мгновение, чтобы спросить себя, в каких отношениях традиция и идеалы римского государства были увековечены Римской церковью. Прежде всего, Церковь является прямой наследницей Империи в том смысле, что она спасла Европу от хаоса, когда политические узы, связывавшие несколько ее составных частей с Римом, были разорваны, и сохранила всеми своими силами в Средние века те римские элементы, которые избежали того, чтобы быть поглощенными волной варварства. Более того, она сохранила старую традицию мировой империи, уже не плотской, а духовной. Как и старая империя, ее владения охватывали разнообразные земли и народы. Она напоминала и напоминает Империю сейчас тем, что строго следует закону и традициям. Она требует от человека негласного повиновения, а интересы личности подчинены интересам организации. По всем этим характеристикам она является истинной духовной дочерью Римской империи. Минуту назад мы заметили, что территория Церкви, как и территория императора, включала в себя множество различных земель. Территориальный параллелизм между двумя системами выходит за рамки этого общего сходства.

Как выразился Сом в своих "*Набросках церковной истории*", "город или *civitas* был низшей политической единицей Империи. Он стал низшей политической единицей Церкви. В конституции Церкви территория города представляла собой епископальную епархию. В конституции Империи провинция с провинциальным губернатором стояла выше *civitas*. Епископальные епархии объединялись подобным образом под руководством митрополита, епископа провинциальной столицы, образуя церковную провинцию. В конституции империи, начиная с IV века, несколько провинций составляли имперскую епархию под управлением имперского губернатора (викария). Имперская епархия также (по крайней мере, в некоторых частях Восточной греческой церкви) стала частью церковной конституции после IV века, как округ патриарха, которому подчинялись митрополиты имперских епархий. Наконец, общий союз церквей соответствовал общему союзу империи, с императорским собором (так называемым Вселенским) в качестве его законного органа..... Таким образом, в старости Римская империя завещала свою конституцию молодой Церкви..... Это было ее последнее великое наследие для будущего".

И далее Сом продолжает: "По сей день епархия католического епископа является копией римской *civitas*; провинция католического архиепископа - копией римской имперской провинции; а католическая церковь под властью папы, объявленного всемогущим по закону, - копией древней Римской империи с ее цезарями, претендовавшими на весь мир как на свое владение". Церковь расширяла свои границы в древности и до сих пор расширяет их новыми завоеваниями, как и империя. Миссионерские экспедиции Григория в шестом веке, как и иезуитские предприятия в Северной и Южной Америке в последнее время, осуществлялись в духе Цезаря или Траяна, и после христианского завоевания Англии Григорий говорил так, как мог бы говорить римский император, когда он сказал: "В одной вере Он соединил границы Востока и Запада". Абсолютная власть императора в более поздний период продолжается в традиции непогрешимостью Папы, а высказывания городского префекта Фемистия в адрес Феодосия Великого: "Ты - живой закон", можно с полным правом отнести и к современному Папе. Титул "*Pontifex Maximus*" является общим для обоих правителей, и существует поразительное сходство между другими церковными титулами и теми, которые содержатся в официальном римском списке *Notitia Dignitatum*. Латынь - официальный язык Церкви, как и в Империи; Папа советуется с Коллегией кардиналов, как император советовался с Сенатом; каноническое право, частично заимствованное из римского гражданского права, кодифицировано так же, как и римское; Соборы, похоже, следуют парламентской процедуре римского Сената, а одежда церковных

чиновников напоминает римские времена. Другими словами, то, что характерно для духа организации и внешнего облика Римской Церкви, является прямым наследством Империи.

2. Личность и государство

Перейдем теперь к рассмотрению того, какое отношение наши политические теории и институты имеют к римским. Мудрое правительство стремится найти разумный баланс между правами индивидуума и безопасностью и благосостоянием общества. Это счастливое среднее можно определить, наблюдая за игрой этих двух принципов в конкретных случаях. Такую возможность нам предоставляет история древних городов-государств, которая показывает нам примеры, в которых два вышеупомянутых идеала правления сочетаются в разной степени. Эти примеры варьируются от Афин, в которых поощрялась свобода гражданина, до Дельф или Спарты, в которых превозносилось значение содружества.

Грекам и римлянам мы обязаны обсуждением еще одной фундаментальной политической проблемы и различными попытками ее решения. Является ли идеальное государство государством, управляемым одним человеком, несколькими людьми или всеми гражданами? Этот вопрос с большим знанием дела обсуждался греческими авторами политической теории, и их взгляды с некоторыми изменениями были переданы нам Цицероном в его трактате "*О содружестве*". Действительно, достоинства и недостатки всех систем правления были наглядно продемонстрированы в истории самого Рима, который прошел через всю гамму государственных форм.

Двумя наиболее важными римскими писателями классического периода в области политической теории были Цицерон и Сенека. К сожалению, до нас дошла лишь часть трактата Цицерона "*О законах*" и только фрагменты его книги "*О содружестве*", но эти два произведения были известны в полном объеме ранним римским юристам и христианским отцам, и оказали на них, а через них и на нас, огромное влияние. Даже в своем нынешнем фрагментарном виде они показывают нам, какой важный вклад внес Цицерон в политическую философию. Помимо того, что он был посредником между греческим политическим мышлением и политическим мышлением нашего времени, две его работы представляют для нас огромную ценность как из-за метода Цицерона в подходе к теме государства, так и из-за его концепции организации общества. Большинство предшественников Цицерона, за исключением Панаэция и Полибия, обращали свое внимание на идеальное государство, на воображаемое содружество. Цицерон в своем "*Содружестве*", *De Re Publica*, II. 1. 3, говорит нам, что его цель - изучить римское государство "в его рождении, его росте, зрелости и в его нынешней силе и бодрости". Другими словами, он вводит современный метод изучения организации реальных государств, и мы, возможно, впервые излагаем плодотворную концепцию государства как организма.

Рассуждая об организации общества, Цицерон находит источник права и справедливости не в пользе, а в природе. Право и зло определяются *естественной нормой* (*De Legibus*, I. 16. 44). Этот закон природы не является одним в Риме, другим в Афинах; он не является одним сегодня, другим завтра, но он вечен и неизменен (*De Re Publica*, III. 22. 33). Эта концепция *ius naturale* была воспринята Ульпианом в III веке и другими ранними юристами, развита в *Кодексе Юстиниана* и передана через Средние века до наших дней. Она охватывает "совокупность принципов справедливости и разума, которые люди могут рационально воспринять и которые образуют идеальную норму или стандарт правильного поведения и справедливости социальных институтов". Из гражданского права оно перешло в каноническое через энциклопедический труд святого Исидора в седьмом веке и дало

начало тройственному делению, которое Грациан излагает в *Декретах*, когда пишет: "*Ius naturale* появляется с началом разумного творения и остается неизменным: *ius consuetudinis* (т.е. *ius gentium*) возникло позже, когда люди стали жить вместе..... Но *ius constitutionis* (т.е. *ius civile*) начинается с принципов, которые Господь передал Моисею", т.е. с писаного закона. Эти различия послужили отправной точкой в большинстве современных дискуссий на эту тему. Цицерон определял Содружество как "дело народа, но народ - это не любое собрание людей, собранных вместе каким-либо образом, а собрание, объединенное общим законом и пользующееся общим благосостоянием" (*De Re Publica*, I. 25. 39). Из этого определения, по-видимому, следует, что государство имеет двойную цель - защищать человека и способствовать его благосостоянию. В одном из отрывков "*Содружества*" (*De Re Publica*, III. 13. 23) он заставляет одного из участников диалога изложить теорию государства, из которой Руссо, вполне возможно, развил свою доктрину Общественного договора: "Но когда один человек боится другого, когда человек боится человека, а класс, класс, тогда, поскольку никто не доверяет своей силе, между народом и правителями заключается договор, из которого проистекает то, что одобрил Сципион, - государство, форма которого определяется соглашением". Эта теория общественного договора, вероятно, заимствованная у Цицерона, была вновь выдвинута в XI веке. Что касается формы государства, то оно может быть монархическим, аристократическим или демократическим, или же эти три элемента могут сочетаться в нем, как, по мнению Цицерона, было в римском государстве; Цицерон следовал за Аристотелем и особенно за Полибием, когда последний обсуждал конституции Рима и Спарты. Взгляды, которых придерживался Цицерон по этому вопросу, были взяты на рассмотрение и категорически опровергнуты Жаном Боденом в его великом труде о государстве в XVI веке.

Цицерон считает законным любое правительство, которое обеспечивает справедливость и способствует благополучию всех своих граждан, но его не устраивает монархия или аристократия. Как отмечают Карлайлы в своей "*Истории средневековой политической теории на Западе*", которая оказала мне большую помощь во многих моментах этой главы при прослеживании развития римских политических доктрин в Средние века, Цицерон считал, что "каждый гражданин обладает некоторой способностью к политической власти, некоторой способностью, которая должна найти свое выражение". Другая фундаментальная социальная концепция, которая выходит на поверхность у Цицерона и еще более четко выражена у Сенеки, Марка Аврелия и христианских писателей, - это концепция однородности человеческого рода, братства людей. Для греков до эпохи стоицизма существовала огромная пропасть между ними и варварами. Римляне иногда проявляли такое же презрение к другим народам, но признавали интеллектуальное и художественное превосходство греков. За полтора века до времени Цицерона Плавт серьезно или с юмором называет своих соотечественников варварами, когда сравнивает их с греками. Иными словами, римляне верили в собственное превосходство в одних областях человеческой деятельности, но признавали свою неполноценность перед другими народами в других отношениях. Это сделало их терпимыми к институтам и практикам рас, которые были привнесены в империю, и легло в основу той концепции братства людей, которая так много сделала для улучшения положения низших слоев населения и которая является идеалом, к которому мы несколько неумело стремимся сегодня. С этой космополитической доктриной человеческого братства соседствовала римская доктрина о составе отдельных обществ или государств. Теория Аристотеля об устройстве общества предполагает неравенство людей, его составляющих. Цицерон верил в естественное равенство. Мы одинаковы, говорит он, в почитании одних и тех же добродетелей, в ненависти к одним и тем же порокам, в обладании разумом и в способности к приобретению знаний. Сенека почти готов распространить эту концепцию естественного равенства даже на рабов, поскольку, как он говорит в своем

трактате "*О даре и получении благ*", "фортунa предоставила тело раба его господину, он покупает и продает его, но душу раба нельзя купить и продать". У нас еще будет повод вернуться к этому вопросу, но пока мы говорим о Сенеке, не лишним будет упомянуть его объяснение происхождения закона природы, о котором мы говорили несколько минут назад. Существование *ius naturale* предполагает наличие состояния природы, предшествующего обычным институтам общества. Этот золотой век был не совершенным, а скорее невинным. Скупость положила ему конец. Институты общества стали необходимы из-за слабостей человеческой природы. Этот взгляд Сенеки гармонировал с концепцией, которой придерживались христианские отцы о состоянии человека до грехопадения, до прихода греха в мир, и был передан ими нам.

Если вернуться к доктрине естественного равенства людей и убеждению, что всеобщая способность к осуществлению политической власти должна найти адекватное выражение, то из этих принципов выросла доктрина, которую римские юристы со II по VI век то и дело отмечают в *Кодексах*, о том, что власть, которую осуществляет правительство, исходит от народа. Этот источник власти императоры признавали в *Кодексах* вплоть до времен Юстиниана. Как показал Карлайл, эта доктрина была принята юристами в Средние века. Она применима к судебной власти, как учит Булгарус из Болоньи в XII веке, и к законодательной власти, как считает Ирнерий того же века. Их аргументы относятся к римскому периоду, поскольку они взяты из *Corpus Iuris Civilis*, а фразы заимствованы из *Дигест* и *Кодекса*. Естественно, у них возник вопрос, может ли народ возобновить свою власть или нет. Ученые расходились во мнениях по этому поводу. Некоторые из них утверждали, что народная воля по-прежнему находит свое выражение в обычае, и поэтому обычай может преобладать над законом. Большинство из них считали, что всеобщий обычай обладает такой силой, а местный - нет. Следовательно, они считали, что народный суверенитет по-прежнему находит свое выражение в обычае. Мимоходом отметим, что здесь проводится различие между "неписаным" и "писаным" правом или между общим правом и статутным правом. Теория, согласно которой власть в государстве исходит от народа, продолжала оставаться преобладающей доктриной вплоть до середины XIII века, как показал Карлайл. В пятнадцатом веке ее придерживается Николай Кюсский. В своей "*Систематической политике, подтвержденной примерами из священной и светской истории*", опубликованной в 1610 году, кальвинист Иоганн Альтузиус довел до логического завершения доктрину, согласно которой, поскольку власть в государстве основывается на договоре между народом и его правителем, народ имеет право сместить его и вернуть себе делегированную власть. Гоббс в своем "*Левиафане*", вышедшем в 1641 году, верил в принцип договора, но, по его мнению, договор заключается членами общества друг с другом. Правитель не вступает в договор. Следовательно, он не связан им. Радикальное учение Альтузиуса пролежало без движения полтора столетия, чтобы затем быть подхваченным Руссо в его "*Социальном договоре*" и лечь в основу знаменитой "Декларации прав человека" 1789 года.

Как выразился Поллок в своем "*Введении в историю науки политики*": Согласно Руссо, "каждый человек отказывается от себя и своих индивидуальных прав так же полно, как в завете Гоббса. Но отказ происходит перед всем обществом, а не перед сувереном. Правительство - не суверен, а посредник между обществом в его корпоративном качестве и отдельными его членами как подданными". В своей книге "*История теории суверенитета со времен Руссо*" Мерриам проследил развитие этой доктрины до наших дней. Вывод, к которому он приходит в наши дни, заключается в том, что "те, кто придерживается

суверенитета общей воли или общественного мнения, настроения, разума, не имеют в виду, что этот суверен в любой момент организован для выражения воли государства; они имеют в виду, что ему подчиняться, не сразу, но в конечном итоге". Таким образом, современная теория вернулась к позиции Цицерона и римских юристов, хотя, как отметил Брайс в своей книге *"Современные демократии"*, принятие и развитие доктрины народного суверенитета в Риме "было обусловлено давлением реальных жалоб в гораздо большей степени, чем какими-либо теориями относительно природы правительства и требований народа". Прежде чем оставить тему народного суверенитета, стоит обратить внимание на ограничения, в которых он реализуется даже в условиях чистой демократии, и на трансформацию, которую неизбежно претерпевает демократия. В первом случае, если мы вспомним историю Римской республики, которая была описана в предыдущей главе, мы почувствуем, что, хотя Брайс говорит о современных демократиях, невозможно дать более точное описание ограничений, которые сковывали римскую демократию, чем его утверждение, что "народная власть на практике чаще бывает негативной или сдерживающей, чем позитивной. Народ может с большей готовностью отвергнуть предложенный ему курс, чем сам предложить лучший курс". К истории патрициата, сенатской олигархии и плутократии в период республики в равной степени применимо его замечание, сделанное на основе изучения современных условий, о том, что "природа всегда стремится передать власть в руки немногих, а немногие, как и естественный процесс, всегда стремятся превратиться в класс, как пары, поднимающиеся от земли, собираются в облака. К счастью, класс, в результате такого же процесса, всегда стремится раствориться. Таким образом, свободное правительство не может не быть, и в действительности всегда было олигархией внутри демократии".

Доктрина, противоположная той, которую мы рассматривали, о божественном праве королей, спорадически появляется в Кодексе Юстиниана, но не формулируется окончательно, пока мы не достигаем времени Григория Великого в шестом веке. Он полностью развивает новую доктрину в своих *"Пастырских правилах"* и в трактате на книгу Иова, как показали Карлайлы, и именно от него она перешла в Средневековье и в более поздние времена. Карлайлы объясняют его развитие тремя причинами: (1) необходимостью сдерживать анархические тенденции первобытной Церкви; (2) благоприятным положением, которое Церковь занимала под защитой императора после обращения Константина; и (3) влиянием ветхозаветного представления о положении Царя Израиля. Учения Ветхого Завета были подкреплены учениями Нового Завета. Например, в *Послании к Римлянам* мы читаем: "Всякая душа да будет подчинена высшим силам. Ибо нет власти не от Бога; все власти от Бога", и в другом месте: "Подчиняйтесь всякому постановлению человеческому ради Господа, царю ли, как верховному, или правителям, как посланным от него для наказания злых и для похвалы добрых", I *Петра*, ii. 13-14. Это второе объяснение источника власти в государстве, на которое иногда намекают фразы, используемые римскими юристами, было принято ранней Церковью и передано ею через Средние века в современность. Король был подотчетен только Богу. Противиться ему было нечестиво.

Модификация теории божественного права королей происходит по мере усиления влияния папства. Данте в своем труде *"О монархии"* четко изложил ситуацию, когда пишет: "Поэтому человеку было необходимо два проводника для его жизни, поскольку у него двойная цель в жизни; один из них - Верховный понтифик, чтобы вести человечество к вечной жизни, согласно тому, что нам открыто; другой - император, чтобы вести человечество к счастью в мире, в соответствии с учением философии". Но, к сожалению, эти две сферы деятельности накладывались друг на друга, и было нелегко сказать, каково теоретическое и практическое отношение этих двух верховных властей друг к другу. Папа Лев III возложил корону на голову Карла Великого в Риме в 800 году. То, что папа давал от имени народа римского мира, он мог

и отнять, а после смерти императора управление империей возвращалось в руки папы. Великий папа Хильдебранд в одиннадцатом веке твердо придерживался этой теории. Как отмечают Карлайлы, он провел обыск в папских архивах и нашел, как ему казалось, убедительные доказательства феодальной зависимости различных королевств Европы от римского престола. В следующем веке великий английский ученый Джон Солсберийский пишет в своем *"Поликратике"*: "меч, символ мирской власти, князь получает из руки Церкви". Феодализм насаждал идею о том, что каждый человек должен быть предан тому, кто выше его: вассал - своему господину, господин - князю, князь - императору, и было вполне естественно завершить систему, получив власть императора от Папы Римского, который был ответственен перед Богом. Эта концепция Папы как высшего источника власти во всем мире с его резиденцией в Риме продолжала традицию единства Римской империи, которая, как мы вскоре увидим, была одним из самых мощных влияний, действовавших на протяжении всего Средневековья. История средневековой политической теории и практической политики в Средние века во многом зависит от конфликта этих двух доктрин: что светский правитель получает свою власть от народа или непосредственно от Бога, или что она приходит к нему от Папы, наместника Бога.

Высказывание Брайса о том, что "каждая монархия на практике становится олигархией", подводит итог истории Римской империи. Император не мог лично заниматься всеми делами государства. Он должен был организовать правительство в виде департаментов и делегировать полномочия людям, которых он ставил во главе этих департаментов. Это был план, который, как мы заметили, Адриан довел до конца в организации своей бюрократической системы, и мы не удивляемся, находя в *кодексах* Феодосия и Юстиниана многочисленные свидетельства безудержной власти, которой пользовалась эта олигархия. И монархии, и демократии сегодняшнего дня в той или иной форме перенимают римский план. В Германии и некоторых других континентальных странах перед мировой войной была создана высокоорганизованная бюрократическая система, а в Соединенных Штатах существуют временные или постоянные федеральные комиссии и советы, такие как Межгосударственная торговая комиссия, Комиссия по углю и Железнодорожный трудовой совет, а во многих штатах - комиссии по делам государственной службы. Все это было добавлено в последние годы к традиционным бюро и департаментам. "Правительство по поручению" стало политическим лозунгом в некоторых избирательных кампаниях, и некоторые наши политические лидеры опасаются, что вторжение федерального правительства или правительства штата в повседневную жизнь и в местные дела будет сдерживать индивидуальную инициативу и подрывать целостность местного самоуправления. По крайней мере, такой результат последовал за развитием отцовской и бюрократической системы Рима.

3. О конституциях

Хотя нельзя утверждать, что конституционное развитие Англии и стран, чьи конституции похожи на нее, можно во всех отношениях проследить до Рима, можно с уверенностью сказать, что рост и характер их конституций сильно напоминают римские, и что писатели и политические лидеры, особенно со времен Французской революции до наших дней, изучали римские политические институты и применяли уроки, извлеченные из их изучения, к политическим и конституционным вопросам современности. В Риме во времена Республики народ, выражая свое желание на собрании, был всемогущ, так же как и решение английского народа, озвученное в парламенте, является окончательным. Как и в Англии, так и в Риме последнее волеизъявление народа делало недействительным любой предыдущий закон или статут, противоречащий ему. В Риме не было формальной письменной конституции, как и в

Англии, но как в Англии такие юридические документы, как Magna Charta, Habeas Corpus Act и Parliament Act of 1911, признаны более фундаментальными, чем обычный статут, так и в Риме в рамках Республики Законы двенадцати таблиц, Закон о двенадцати таблицах, согласно которому гражданин, обвиненный в смертной казни, имел право обратиться к народу, и принцип, согласно которому *lex*, или решение народного собрания, имело приоритет перед декретом сената, были настолько укоренены в традиции, что ни одна мера не могла быть принята в нарушение принципов, лежащих в их основе. В Империи, однако, мы находим документ, который до некоторой степени напоминает письменную конституцию, а именно "Закон Веспасиана о наделении императорской властью"[13]. В этом документе мы имеем полное и систематическое изложение основных прав, полномочий и привилегий императора. Как мы только что убедились, Рим и Англия не определили функции нескольких органов государства и их отношения друг с другом в едином документе, с которым должны согласовываться все статуты, судебные решения и административные акты, чтобы быть действительными, как это сделали Соединенные Штаты, Франция, Швейцария и большинство других современных государств. Однако законы, прецеденты и обычаи, которые направляют общественную жизнь Англии и Рима, в некотором смысле составляют их конституции. Конституции такого рода, как утверждает Брайс в своих *"Исследованиях по истории и юриспруденции"*, являются гибкими. Они гнутся, но не ломаются под временными взрывами народных страстей или эмоций. Они выросли вместе с народом и являются частью его структуры. Уходя в прошлое, они обладают таинственностью и достоинством, которые придает им древность. Характер римской и английской конституций отражает характер двух народов и их сходство друг с другом. В них проявляются практические качества двух народов, их уважение к прошлому и способность адаптировать свои институты к новым условиям. Еще один момент сходства между римскими и англосаксонскими основными законами заключается в том, что оба они конкретны и мало касаются политических доктрин. Оба народа прямо указывали на конкретные злоупотребления, не ссылаясь на какие-либо принципы абстрактного права в оправдание предлагаемой реформы.

В одном отношении римское правительство коренным образом отличалось от большинства современных государств. Три функции правительства, которые Монтескье четко признавал, - исполнительная, законодательная и судебная - не были распределены между тремя различными классами чиновников с такой тщательностью, как это делается сегодня. Конечно, в ранний период это отсутствие дифференциации более заметно, чем в поздний, но оно сохраняется даже в Империи. Сенат, например, при Империи не только принимал законы, но и номинально обладал правом избирать императора и магистратов, а также выступал в качестве суда, рассматривающего политические обвинения, выдвинутые против членов сенаторского сословия. Хотя в реальной организации римского государства трехкратное разделение правительственных полномочий соблюдалось тогда лишь частично, оно было признано Аристотелем и Цицероном в их трудах о политике. Греко-римская доктрина по этому вопросу была подтверждена Боденом и Локком, как отметил Гарнер в своем *"Введении в политическую науку"*, прежде чем она была изложена в качестве основополагающего принципа политической организации в *"Духе законов"*. Учение Монтескье по этому вопросу стало частью политической философии Французской революции. В Англии Блэкстон, как и Монтескье, утверждал, что не может быть общественной свободы, когда право создания и исполнения закона принадлежит одному и тому же человеку или одному и тому же кругу людей, или когда судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной. На создателей Конституции Соединенных Штатов оказали глубокое влияние Монтескье и Блэкстоун, и, вероятно, ни одна современная конституция не демонстрирует так хорошо, как американская, трехкратное разделение властей, признанное Цицероном. Как отметил Верховный суд в одном из своих решений:

"Считается, что одним из главных достоинств американской системы писаного конституционного права является то, что все полномочия, возложенные на правительство, будь то штата или страны, разделены на три больших департамента: исполнительный, законодательный и судебный; что функции, соответствующие каждой из этих ветвей власти, должны быть возложены на отдельный орган государственных служащих, и что совершенство системы требует, чтобы линии, разделяющие и разделяющие эти департаменты, были широко и четко определены".

Если мы попытаемся описать ценный вклад, который римляне внесли в современную политическую теорию, или достижения римлян, которые мы можем с пользой изучить, или политические качества, которым мы можем подражать, или важные политические принципы или институты, которые мы унаследовали от них, Мы должны вспомнить о доктринах народного суверенитета, равенства и братства людей, о практических доказательствах, которые они дали нам в отношении ценности гибкой конституции, об их учениях, касающихся теории государства, и о введении ими исторического метода изучения политических институтов. Обо всех этих вкладах в современную цивилизацию мы уже говорили. Мы также должны вспомнить их преданность государству, их уважение к закону и традиции, их мудрый оппортунизм, который сделал их политическое мышление практичным и конкретным, их разработку замечательного свода гражданского права, их тщательное соблюдение принципа местного самоуправления с его признанием местных институтов и практики, а также их успех в продвижении закона и порядка и чувства социальной солидарности, в улучшении материальных условий по всему миру, в управлении и цивилизации отсталых народов. Это длинный список, но во всех этих отношениях политическая хватка римлян была достойна внимания, и их достижения либо лежат в основе современной цивилизации, как мы увидим, либо могут послужить нам руководством в нашем политическом развитии. При обсуждении различных ветвей власти и различных сфер политической деятельности у нас будет возможность подробно рассмотреть многие из этих моментов, которые еще не были упомянуты.

4. Законодательная и исполнительная ветви власти

і. СХОДСТВО МЕЖДУ ДРЕВНИМ И СОВРЕМЕННЫМ

Вначале будет удобно сравнить некоторые характеристики законодательной власти римского правительства с характеристиками современных парламентов. Римский метод законотворчества был очень похож по своим основным чертам на тот, которому следуют государства нашего Союза, свободно использующие инициативу и референдум.^[14] Эти два политических механизма пришли к нам, конечно, из Швейцарии. Один из них или оба в их нынешней форме можно отнести к оппозиции Руссо представительному правительству и к его отстаиванию доктрины народного суверенитета. Но следы референдума можно обнаружить в некоторых швейцарских городах задолго до времен Руссо, а законодательный принцип, лежащий в его основе, возможно, является наследством римских времен, сохранившимся в Средние века в независимых итальянских городах. Там, где преобладает референдум, выборная ассамблея - законодательное собрание в наших штатах и Большой совет в швейцарских кантонах - противопоставляется всей совокупности граждан, голосующих в этой стране в своих родных городах или в Швейцарии в каком-то центральном пункте. Любая из законодательных организаций может инициировать законодательство, и на практике большинство предложений исходит от выборного органа, из которого важные или спорные вопросы передаются на рассмотрение народа. Решение народа имеет преимущественную силу перед решением избранного органа. Народ не может вносить поправки в предложение, но должен проголосовать за него "да" или "нет". Это точное

описание отношения римского сената к народному собранию во времена республики. Древняя система имела достоинства и недостатки, которые мы видим в ее современном аналоге. Народное собрание помогало сохранить права демократии и давало выражение народным чаяниям. Аристократический орган, состоящий из опытных политиков и административных чиновников, был лучше подготовлен для решения технических вопросов и иностранных дел, и относительное значение двух законодательных организаций варьировалось от периода к периоду в зависимости от преобладания того или иного круга вопросов. Естественно, проблемы, возникавшие в результате длительных войн, повышали престиж римского сената, так же как его исключительное право утверждать мирные договоры с государствами Центральной Европы повысило авторитет американского сената за счет нижней палаты. Выше мы отметили, что несколько важных вопросов были оставлены на усмотрение римского народного собрания. Одним из них было объявление наступательной войны. В последние два-три года в поисках средств для предотвращения будущих войн было предложено отобрать право объявления войны у Конгресса и передавать этот вопрос в каждом случае на рассмотрение народа. Это предложение было сделано отчасти в расчете на то, что люди, которым придется нести основную тяжесть войны, склонятся к миру. Если мы можем сделать вывод из отношения римского народа, то этот вывод необоснован. Профессор Тенни Франк в своей книге *"Римский империализм"* показал, что великая война с Пирром, Первая Пуническая война и, возможно, Югуртинская война были навязаны Риму демократией вопреки желанию и мнению сената. Сенат лучше народа знал, к каким жертвам крови и сокровищ приведут такие войны[15].

В одной из глав своей книги *"Общество и политика в Древнем Риме"* настоящий автор попытался провести сравнение между римским сенатом и сенатом Соединенных Штатов[16]. Римский сенат был, да и наш сенат, вовлечен в борьбу с исполнительной властью и с другим законодательным органом, более популярным, чем он сам, за контроль над государством. Пожизненные сроки римских сенаторов и сравнительно долгие сроки наших сенаторов делают их в значительной степени недостижимыми для народных настроений и дают им чувство уверенности в своем положении. Долгие и почетные традиции обоих органов и их *esprit de corps* укрепляют это чувство безопасности. Римские сенаторы проявляли по отношению друг к другу ту же сенаторскую вежливость, которая стала у нас байдаркой. Сильной стороной обеих организаций является отсутствие, как правило, канцелярии. Мера, представленная исполнительной властью, может быть легко замолчана до смерти или изменена так, что не будет иметь ни малейшего сходства с первоначальным предложением, если дебаты практически не ограничены. Но два особых полномочия, которыми обладают оба органа, дадут любой законодательной организации прекрасное средство контроля над государственной политикой и управления государственными делами. Я имею в виду право утверждать важные назначения и консультироваться при решении иностранных дел. Какое огромное влияние может оказывать Сенат Соединенных Штатов благодаря своему праву участвовать в управлении иностранными делами, мы видели на примере последних нескольких лет, и, как мы уже отмечали в первой главе, римский Сенат занимал такое же выгодное положение. Как наши сенаторы в значительной степени контролируют назначение на важные должности, так и римский сенат награждал прибыльными должностями в провинциях политиков, поддерживающих его политику, и наказывал таких лидеров, как Цезарь, которые выступали против него, провинциями "лесов и болот". К этому можно добавить, что, как уже отмечалось в главе I, римский сенат состоял из бывших административных чиновников, знакомых по прошлому опыту с вопросами, которые вставали перед ним, и у римлян не было двухпартийной системы, которая укрепляет руки правительства в англосаксонских странах. Поэтому нет ничего странного в том, что со временем римский сенат низвел магистрата до положения своего министра, а его политика

стала его политикой. Как и в большинстве современных стран, члены правительства присутствовали на заседаниях законодательного органа и голосовали на них. Интересно иметь в виду, что в Соединенных Штатах мы ощутили печальные результаты, которые возникают при принятии законов из-за отсутствия тесного сотрудничества между законодательной и исполнительной ветвями нашего правительства, и в последнее время предлагается перенять римскую практику, разрешив членам кабинета присутствовать на заседаниях Конгресса, не предоставляя им права голоса.

ii. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ДРЕВНИМ И СОВРЕМЕННЫМ

Мы говорили о сходстве между римским Сенатом и Сенатом Соединенных Штатов. Следует упомянуть о некоторых ярких отличиях его процедуры от процедуры современных законодательных палат. Член нашего Сената или Палаты представителей, если бы его позвали на заседание римского Сената, был бы так же поражен отсутствием парламентского механизма, как янки из Коннектикута из рассказа Марка Твена отсутствием трудосберегающих приспособлений при дворе короля Артура. Он не обнаружил бы ни установленного порядка ведения дел, ни требуемого кворума, ни комитетов для сбора фактов и выработки рекомендаций, ни письменного изложения ходатайств, ни ведения протоколов. Он был бы еще более поражен, обнаружив, что в палате одновременно рассматриваются три или четыре взаимоисключающих предложения, из которых председательствующему было позволено сделать свой выбор. И все же ни один законодательный орган не оставил после себя такой удивительной летописи деловых достижений, как римский сенат. Этот факт вполне может заставить нас задать вопрос о том, необходимы ли тщательно продуманные процедуры и сложные парламентские правила, которых придерживаются наши законодательные органы, для оперативного ведения дел. Это не означает, что римский метод может быть принят сегодня. Это вопрос развития, но это, по крайней мере, может навести на мысль, что для нас было бы возможно и разумно упростить нашу процедуру. Многие из практик, свойственных римскому сенату, можно объяснить, исходя из его истории. Хотя это самый известный из известных законодательных органов, теоретически он вовсе не был законодательным органом. По своему происхождению он был лишь консультативным советом, или *консилиумом*, при главном магистрате. Его члены были просто опытными стариками, к советам которых обращался царь, а позже и консул. Когда ему требовался совет, он собирал их вместе и спрашивал их мнения, следуя, естественно, в порядке возраста и известности. При внешней форме сената обстоятельства его возникновения никогда не забывались. Сенат никогда не собирался, если его не созывал магистрат. Дела дня излагались председательствующим. От членов сената не требовалось высказывать свое мнение, пока он их не спросит, и председатель, спрашивающий совета, мог, естественно, выбрать предложение, которое казалось ему наиболее мудрым, и спросить о нем мнение других членов, и это была традиционная практика - делать эти предложения устно.

Вплоть до правления Тиберия Гракха, ближе к концу второго века до нашей эры, в Риме существовало парламентское правительство, по своим основным характеристикам не отличавшееся от правительства Франции или Италии. По конституции 1875 года, например, глава исполнительной власти Франции был поставлен под контроль законодательного органа, так же как римский консул был подчинен сенату. Все его акты любого рода, чтобы быть действительными, должны быть подписаны одним из его министров, и Палата депутатов всегда в силах сместить министерство. В отсутствие двухпартийной системы в Риме и, как следствие, компактной партийной организации, поддерживающей правительство, римская система также была похожа на ту, что распространена на континенте. Конечно, римская

система была чистым парламентским правлением в большей степени, чем та, которая существует в любом современном государстве, потому что внутренняя и внешняя политика Рима рассматривалась не как политика Катула или Мессаллы, а как политика Сената, тогда как сегодня мы с определенной долей уместности говорим о политике Бриана или Джиолитти.

Конечно, самое заметное отличие римского Сената от современных законодательных органов заключается в том, что в составе древнего органа не признавался представительный принцип. Нам кажется необычным, что, когда в начале своего существования Рим поглотил соседние латинские города, а по окончании социальной войны предоставил римское гражданство городам Италии, он не уполномочил их избирать представителей в сенат. Вместо этого он обязал жителей этих мест приезжать в Рим, если они хотели голосовать. В связи с этим фактом часто говорят, что римляне не были знакомы с представительной системой.^[17] Однако этот вывод неверен. Следы этой системы можно обнаружить у латинян в самые ранние времена, когда они посылали делегатов от нескольких городов на Латинские игры. Дважды, в V и III веках до н. э., в сенате предлагалось разрешить латинянам избирать определенное число членов в этот орган. Конституция, принятая италийским государством во время Социальной войны, похоже, была основана на идее представительства, а система, которую Аэмилий Павлус ввел в Македонии в 168 году до н.э., была, очевидно, однопалатным представительным правительством. Римляне не были незнакомы с принципом представительного правления, но они не приняли эту систему для Италии и империи, потому что, сделав это, Рим потерял бы свои исключительные права, баланс власти перешел бы от латинов, и со временем провинциальные члены сената превзошли бы по численности даже италиков. Отсутствие выборных провинциальных представителей в сенате было в какой-то мере восполнено при империи готовностью императора выслушивать просьбы и жалобы отдельных лиц и городов по всему миру, а также учреждением провинциальных собраний, называемых *Koivá* на Востоке и *concilia* на Западе. Когда римляне приобрели Грецию и Азию, они обнаружили, что соседние города в этих двух регионах уже создали религиозные организации или политические федерации. Одна из таких организаций, собрание Азии, ближе к концу первого века до н.э. попросила разрешения установить культ Рима и Августа. Просьба была удовлетворена, и в течение следующего века провинциальные собрания появились в большинстве провинций Востока и Запада, главным образом для проведения служб императорского культа и игр в честь обожествленного императора. Но когда представители нескольких городов провинции собирались на ежегодное собрание, они, естественно, обсуждали дела провинции, представляющие общий интерес, и, в частности, рассматривали поведение правителя и его подчиненных. Они никогда не получали права издавать законы для провинции, но довольно свободно пользовались правом обращать внимание губернатора и императора на положение дел в провинции, и в поздней империи, как явствует из *Феодосийского кодекса*, они обсуждали вопросы налогообложения, государственной должности и случаи вымогательства со стороны императорских чиновников. Члены этих собраний, по-видимому, были настоящими представителями своих городов, а не делегатами с мандатом, и, по крайней мере, в одной из провинций, Ликий, они избирались по системе пропорционального представительства. Соборы Церкви были естественными преемниками провинциальных собраний. Как и ассамблеи, они занимались в основном религиозными вопросами. Провинциальный совет, собирающийся под руководством митрополита, обычно состоял из епископов провинции, но нередко на нем присутствовали пресвитеры, диаконы и миряне, присланные из соответствующих городов, и с конца V века они, как и епископы, часто участвовали в голосовании. Марсильо из Падуи в XIII веке зашел так далеко, что утверждал, что Генеральный совет должен быть строго представительным как для духовенства, так и для мирян, и что провинция должна иметь

представителей в соответствии с "количеством и качеством" ее жителей, а в следующем веке Оккам разработал полный план представительства на Соборе. Даннинг в своей *"Истории политических теорий"* предположил, что Марсильо мог основывать свое предложение на системе, которую он обнаружил в некоторых средневековых итальянских городах. Если эта гипотеза верна, то мы имеем двойную линию происхождения идеи представительства, по крайней мере, в более поздний период. Неважно, что политические полномочия провинциальных собраний были ограничены, или что епископы были контролирующим элементом на церковных соборах; существенными фактами являются то, что представительное правление было хорошо известно римлянам, и что представительный принцип сохранился в собраниях и на церковных соборах до тех пор, пока Ренессанс не дал ему новую жизнь.

Вероятно, ни в одном обществе не было придумано столько средств защиты от цезаризма, как в римской олигархии. Как мы уже заметили, кандидат в магистраты должен был достичь определенного возраста: он должен был занимать должности в определенном порядке, и должен был пройти определенный промежуток времени, прежде чем он мог быть переизбран на высшую должность. Срок его полномочий был коротким, и в течение него на его действия всегда можно было наложить вето его коллеги. Еще одним средством контроля над ним был отзыв. Этот очень новый политический прием так же стар, как и трибуна Тиберия Гракха. Он представляет собой применение доктрины народного суверенитета в ее крайней форме и вырос из более ранних попыток привлечь магистратов к ответственности за их поведение на посту. Аргументы, которые Гракх использовал в поддержку своего предложения отозвать коллегу Октавия, постулируют теорию народного суверенитета и удивительно похожи на соображения, на которых настаивают сторонники отзыва сегодня. Согласно Плутарху, Гракх сказал: "Мы считаем законно избранным трибуном того, кто избирается только большинством голосов; и не является ли поэтому тот же самый человек гораздо более законно униженным, когда по общему согласию всех они соглашаются сместить его?" Возможно, мы не унаследовали отзыв непосредственно от античности, но принятие нами римской доктрины народного суверенитета логично привело к развитию отзыва, а также инициативы и референдума.

Одной из характерных черт римской магистратуры было право, которым обладал занимающий должность, наложить вето на действия своего коллеги; а трибун имел право, которым он свободно пользовался, наложить вето на действия любого другого должностного лица. В некоторых отношениях римляне использовали право вето более практично, чем мы. Наши губернаторы, президенты и другие высшие должностные лица не могут наложить вето до тех пор, пока мера не будет принята и представлена им на подпись. Часто им приходится не одобрять длительные и важные меры, которые они с радостью приняли бы, если бы не какой-то незначительный недостаток. Согласно римской практике, на законопроект можно было наложить вето еще до принятия решения, или же трибун просил отсрочки на ночь, прежде чем принять решение. Такой порядок давал сторонникам законопроекта возможность изменить его нежелательные черты. В последние годы были сделаны робкие экскурсии в некоторые сферы политической деятельности, в которых римские магистраты свободно пользовались своей властью. Мы пытаемся влиять на нравственность людей, осуществляя определенный надзор за сценой и общественной прессой; а во время войны правительство устанавливает цены на некоторые продукты питания и пытается обеспечить их правильное распределение. О том, что делала цензура в свои лучшие времена для улучшения нравов народа и борьбы с экстравагантностью и показухой, говорилось в предыдущей главе, а при эдилье римляне имели постоянную администрацию по довольствию.

Мы уже отмечали, что политическим качеством римлян, которое обеспечивало прогресс и стабильность одновременно в большей степени, чем любое другое, была их способность адаптировать старые институты к новым условиям. Практика назначения экспертного совета при должностном лице является иллюстрацией того, как достигался этот результат. Вероятно, ни один народ в древности не использовал экспертов так свободно, и, возможно, в наше время эта практика не так распространена, как в Риме. Магистрат каждый год избирался непосредственно народом. Он был лучше осведомлен о тенденциях народных настроений, чем средний премьер-министр. От него можно было с уверенностью ожидать, что он будет выступать за прогресс или перемены. К его должности прилагался *консилиум*, или орган советников-экспертов, которые были знакомы с прецедентами и обычаями и могли твердо придерживаться *mos maiorum*. Во всех сферах общественной жизни Рима можно найти такие советы советников. Царь, а позже консул, имел в качестве *консилиума* сенат. Претор, а при империи и император имели своих *consilia* для помощи в решении дел, а в области государственной религии главный понтифик получал советы от своей коллегии понтификов. Взаимодействие сил, которые представляли эти два элемента, привело к постепенной реформе старых институтов, без слишком резкого разрыва с законом и традицией. Мы можем рассматривать императорские бюро, которые Адриан довел до совершенства в провинциях, как продолжение этой системы управления экспертами.

Римская теория отношений государства и церкви проходит через цикл. Царь был одновременно и главой администрации, и главным жрецом народа. Когда была установлена республика, жреческие и политические функции были разделены, хотя все религиозные вопросы, имеющие политическое значение, оставались за магистратом. Юлий Цезарь во время своей диктатуры вновь объединил в своем лице функции главного магистрата и главного понтифика, и этому прецеденту следовали все императоры. Таким образом, император занимал в государственной религии примерно такое же место, как царь в России до революции и король в Англии. Это принятие религиозного авторитета политическим правителем стало первым шагом к признанию божественного права императора; а практика воздания ему божественных почестей, которая, как мы уже отмечали в первой главе, была привнесена с Востока, способствовала развитию этой теории. В европейских странах римская практика объединения духовной и мирской власти сохранилась в виде государственной религии или контроля над церковными делами, который в той или иной мере взяли на себя большинство государств. Соединенные Штаты Америки, придерживающиеся полного отделения государства от церкви, практически в одиночку среди великих держав не принимают римскую традицию.

Нельзя закончить даже краткое обсуждение влияния, которое исполнительная и законодательная ветви римского правительства оказали на политическую жизнь нашего времени, не упомянув о замечательном возрождении, которое мы наблюдаем в последнее время в итальянском фашизме, старого римского духа и некоторых римских политических институтов. По своей цели, духу и внешней форме это движение возрождает чисто римскую традицию. Свою нынешнюю мощь оно начало обретать в месяцы, последовавшие за перемирием, когда наблюдался заметный упадок национального чувства и когда по всей Италии царили беспорядки и классовая борьба. Она приобрела форму великого национального движения, когда 1 августа 1922 года разразилась всеобщая забастовка, угрожавшая упорядоченной жизни всей нации. Фашисты пошли на этот шаг после того, как правительству не удалось вновь привести в движение промышленные колеса. Следующий шаг - отмена парламентского правительства и вступление диктатуры синьора Муссолини, лидера фашистов, - был неизбежен. Весь ход событий в последние шесть месяцев 1922 года дублирует события, достаточно часто встречающиеся в ранней римской истории. На

полуострове возникают беспорядки или государству грозит большая опасность. Обычные методы управления приостанавливаются, и для решения чрезвычайной ситуации назначается диктатор. В былые времена диктатор призывал граждан к оружию, так же как синьор Муссолини собрал сто семнадцать тысяч своих вооруженных последователей на вилле Боргезе осенью 1922 года. Сегодняшние люди демонстрируют тот же дух беспрекословного повиновения государству, который был характерен для римлян в былые времена. Читая клятву, которую фашисты принесли в Риме 1 января 1923 года, можно подумать, что ты вернулся в третий век до нашей эры и слушаешь, как древнеримские солдаты собрались перед своим диктатором: "Я клянусь в верности Бенито Муссолини, который управляет судьбами Италии. Я клянусь в преданном и абсолютном повиновении его правительству с бесконтрольной совестью, что подразумевает также высшую жертву жизни, отказ от всякой личной инициативы, и ежедневную практику железной дисциплины". То, что это движение было непосредственно вдохновлено римской традицией, становится ясно из символов и форм, которые оно принимает. Оно получило свое название от *fascis*, или связки прутьев, которую носил ликтор, как символ власти государства, а фашистская армия организована, как и старая римская, в *манипулы*, *центурии*, *когорты* и *легионы*^[18].

Кто может сказать, чем может обернуться для Италии это возрождение древнеримского духа? Оно уже привело к новому *Рисорджименто*. Оно было причиной участия Италии в войне и стало ее результатом. Италия несла свою часть бремени войны вместе с другими великими державами Европы. Она освободилась от экономического господства Германии и от угрозы австрийского вторжения. Ее "неосвоенные земли" возвращены ей. Ее контроль над Адриатикой кажется гарантированным. Из этих достижений выросло чувство национальной независимости и солидарности, воплощенное в фашистской организации, насчитывающей сегодня несколько сотен тысяч молодых людей, и в то же время именно фашистские или патриотические группы, возникшие в первые годы войны, сделали эти достижения возможными. Эта организация создала плохой прецедент, используя насильственные методы и создавая военную силу вне государства. В отношениях с другими народами она может слишком сильно заявить о своих национальных амбициях, но она справедливо стремится дать выражение национальному гению и вдохнуть в Италию новую жизнь и силу.

5. Судебная власть

Если перейти от законодательной и исполнительной ветвей римского правительства к судебной, то сразу же вспоминается римское право, величайшее наследие, которое оставил нам Рим. Этой темы мы не касаемся в данной книге. Но судебный механизм римлян и некоторые этапы их судопроизводства представляют живой интерес для тех, кто сравнивает римские и современные институты. Наиболее важными для нас в этой связи являются методы, которых римляне придерживались при рассмотрении *crimina publica*, того, что мы можем грубо, но несколько неточно, назвать уголовными делами. Для рассмотрения таких дел к началу первого века до нашей эры римляне создали восемь или девять судов под председательством преторов и бывших эдилов^[19]. Компетенция этих нескольких судов существенно отличалась от компетенции наших судов и может заставить нас задаться вопросом, способствует ли наша система эффективности. Один римский суд, например, ограничивался рассмотрением дел магистратов, обвиненных в вымогательстве. Другие, соответственно, рассматривали только дела о подлоге, измене, коррупции на выборах или служебном подлоге. При такой системе каждый суд обладал особой квалификацией, полученной в результате долгого опыта, для рассмотрения той категории дел, которые поступали на его рассмотрение. В нашей сегодняшней практике, когда дела разного рода поступают к одному и тому же судье, вряд ли можно добиться такой особой компетентности,

какой добился римский претор и его коллегия квалифицированных юристов. Преторский суд просуществовал примерно до III века. При поздней империи уголовные дела в Италии рассматривались городским префектом или преторианским префектом, а в провинциях - губернатором.

Присяжные, которые заседали вместе с претором при рассмотрении уголовных дел, были гораздо больше наших. Самый маленький из них, о котором до нас дошли сведения, насчитывал тридцать два человека. Решение по делу, как и в большинстве континентальных стран сегодня, принималось большинством голосов присяжных. Как это было принято в шотландских судах, римский присяжный мог проголосовать за то, что обвинение "не доказано", но, вероятно, в более поздний период такие голоса засчитывались за оправдание. Последнее сохранившееся упоминание о присяжных в римские времена относится ко второму веку после Рождества Христова. Этот факт заставил некоторых современных авторов считать само собой разумеющимся, что между римской системой присяжных и современной нет никакой связи. До того как средневековая жизнь была тщательно изучена, это было естественным выводом. Ее характер не был хорошо понят, а римские институты были настолько изменены в Средние века, что их было нелегко распознать в их более поздних формах. Верно и то, что до недавнего времени многие, кто изучал истоки современных институтов, не поднимали глаз над современным горизонтом или же руководствовались национальной гордостью, пытаясь найти эти истоки у народов своих стран. Такое положение вещей справедливо не только в отношении системы присяжных, но и в отношении других современных институтов, однако более тщательное и беспристрастное историческое исследование отдает римлянам должное. Мы не можем сделать здесь ничего большего, чем кратко указать звенья, которые связывают современную систему присяжных с древней. Характер этой системы был указан в Кодексе Феодосия. Многие из этого кодекса были заимствованы в *Бревиарии* Алариха в 506 году н.э. и в других сводах, частично основанных на римском праве, таких как *Капитулярии* королей Меровингов и Каролингов. Поэтому важно, что при Меровингах правосудие осуществлялось графом, но по приговору нотаблей, называемых в текстах *rachimburgii* или *boni homines*. Эти *boni homines* выбирались графом, или судьей, в начале слушания дела из собравшихся в суде свободных людей. Минимальное число избранных составляло семь человек. Феодализм положил конец существованию суда присяжных во Франции, и вместо него дела рассматривались на суде, в бою или в компуре на континенте. В этом месте следует отметить два или три факта в исторической последовательности. Наш сборник *Капитуляриев* был составлен в 827 году. В течение столетия норманны стали хозяевами северо-западной Франции. Они с готовностью переняли французские обычаи, и это факт, признанный всеми сторонами, начиная с великой работы Пэлгрейва, появившейся столетие назад, что зачатки английской системы присяжных были привезены в Англию норманнами в форме дознания, проводимого под присягой. Поначалу этот метод решения дел был принят только как альтернативный способ судебного разбирательства. Выбирались двенадцать рыцарей, которые должны были под присягой заявить, у кого из спорящих, по их мнению, больше прав. Континентальные страны переняли суд присяжных у Англии после 1789 года. Мы не рассматриваем здесь множество сложных вопросов, которые возникают при попытке объяснить развитие большого и малого жюри на английской земле. Главное, что мы обязаны системой суда присяжных римлянам.

Одной из самых необычных особенностей их судебной системы было то, что у римлян не было постоянного прокурора. Возбуждение уголовных дел при республике оставалось за частной инициативой, но, похоже, было достаточно амбициозных политиков, чтобы возбуждать дела, по крайней мере те, которые могли принести известность успешному

обвинителю. Действительно, в некоторых случаях претор, прежде чем начать судебное разбирательство, был обязан провести предварительное слушание с несколькими адвокатами, которые претендовали на то, чтобы выдвинуть обвинение против обвиняемого. Достоинства и недостатки такой системы очевидны. Обвинения, скорее всего, будут настойчиво выдвигаться, ведь от репутации адвоката зависело добиться обвинительного приговора, и иногда патристически настроенный гражданин преследовал влиятельного политика, когда государственнй обвинитель не решался сделать это. Но в целом план не сработал. Это было особенно верно, когда в деле присутствовал политический элемент. В таких обстоятельствах обвинение обычно выдвигал политический противник, или, что еще хуже, политический сторонник мог отдать обвиняемого под суд и добиться оправдательного приговора, прежде чем могло состояться реальное судебное преследование. Прежде чем Цицерону разрешили вести дело Верреса, продажного и тиранического правителя Сицилии, ему пришлось убедить председательствующего претора, что его права на ведение дела лучше, чем у Квинта Цецилия Нигера, который был квестором Верреса и надеялся добиться оправдания своего бывшего начальника. Подобные случаи сговора между обвинителем и подсудимым стали настолько распространены, что виновные в них подвергались суровому наказанию. Даже при империи, когда сенат начал рассматривать некоторые важные дела, постоянного прокурора не было, но сенат назначал членов своего органа для ведения обвинения и защиты. В этих процессах сенат выступал в роли присяжных, а председательствующий консул - в роли судьи. По мере того как император все больше контролировал государственные дела, не было ничего естественного в том, что он брал на себя уголовную юрисдикцию в важных случаях или делегировал ее своим префектам. Когда этот момент был достигнут, вероятно, судебное преследование по уголовным делам стало более определенным для государства.

Мы часто привлекаем "свидетелей характера" в наших судебных процессах. Римляне пошли еще дальше. Римский обвиняемый приводил с собой в суд столько известных друзей (*advocati*), сколько мог, чтобы произвести благоприятное впечатление на присяжных. Сегодня в Америке в важных делах, хотя адвокаты обвинения и защиты иногда кратко излагают присяжным суть дела до представления доказательств, их официальные заявления не делаются до тех пор, пока не будут получены доказательства. Наш метод - индуктивный. В римском суде официальные заявления обычно делались до дачи показаний. Многое можно сказать в пользу римского плана. Имея в голове анализ дела, представленный обвинением и защитой, средний присяжный, возможно, лучше подготовлен к принятию решения о том, какая теория более вероятна с учетом фактов дела, и находится в лучшем положении, чтобы выбрать наиболее значимые факты, чем когда он имеет дело с разнородными доказательствами. В судах встречаются те же послабления в процедуре, что и на заседаниях римского сената.^[20] За присяжными не велось тщательного наблюдения; случались демонстрации одобрения и неодобрения, бурные дискуссии не всегда пресекались, правила доказывания были менее строгими, чем у нас, а технические моменты играли менее важную роль. В некоторых из этих особенностей континентальные суды унаследовали римскую практику более полно, чем англосаксонские. Вследствие устранения формальностей римляне заканчивали важные уголовные дела гораздо быстрее, чем мы, и правосудие обходилось дешевле, чем у нас. В англосаксонских судах председательствующий судья исключал доказательства с чужих слов, мнения свидетелей и факты, не имеющие отношения к делу. Эти правила доказывания не применялись в римских судах, и, когда континентальные страны вновь ввели систему присяжных, они вернулись к римской практике в этом вопросе, как мы заметили несколько лет назад на знаменитом процессе в Витербо.

6. Концепция гражданства

i. В МИРНОЕ ВРЕМЯ

Ревностная забота о правах рядового гражданина - заметная черта римского характера. Четкое понимание того, каковы права простого человека, и укоренившаяся цель защищать его при их осуществлении определяют развитие судебной процедуры в Риме, права и политических организаций. Возможно, римляне не оставили нам более значительного наследия, чем их концепция гражданства. У них оно не было просто догмой политической философии, изложенной в трудах идеалистов или включенной в общих чертах в декларации прав. Она стала реальностью повседневной жизни благодаря закону, традиции и политическим реформам. Он нашел свое выражение в первом писаном законе римлян - Двенадцати таблицах, а пять веков спустя мы слышим его отголоски в исторических утверждениях святого Павла. Этот идеал остается перед нами на протяжении веков и служит вдохновением и руководством для каждого истинного лидера демократии. Законы Двенадцати таблиц, о которых мы только что упоминали, письменно и подробно излагали упорядоченную процедуру, которой необходимо следовать в судебном процессе, и таким образом информировали гражданина о его правах и возлагали на государство обязанность следить за их соблюдением. Чуть позже закон Валерио-Горациев предоставил гражданину привилегию обращаться в народное собрание по делам о смертной казни. Создание трибуната обеспечило демократическому чиновнику защиту от произвола магистрата. Диктатура, "окончательное постановление сената" и другие средства, которые государство использовало при республике для приостановления прав граждан, были либо отменены, либо ограничены конституционными гарантиями. Цицерон доводит свой ужасный обвинительный акт против правителя Сицилии до подходящей кульминации, обвиняя Верреса в том, что по его вине был предан смерти римский гражданин, и, обращаясь к человеку, стоящему у барной стойки, восклицает: *si tu apud Persas aut in extrema India deprehensus, Verres, ad supplicium ducerere, quid clamitares, nisi te civem esse Romanum?* Правда, в римском мире было много рабов, и многие свободные люди в его пределах не пользовались полными правами римского гражданства до конца императорского периода, но эти факты не ослабляют того, что нас здесь интересует. Куда бы ни отправился гражданин, за его спиной был суверенитет римского государства. Любая община, обидевшая его, должна была возместить ущерб, иначе она почувствовала бы на себе тяжелую руку Рима. Этот римский принцип, согласно которому государство может защищать своих граждан даже на чужбине, был принят современными нациями и ревностно соблюдается ими. Фактически международные отношения в значительной степени связаны с защитой государством своих граждан или подданных, проживающих в иностранных государствах. Их паспорта удостоверяют их гражданство. Они могут обратиться к своему министру или послу, когда считают себя обиженными, и могут с уверенностью рассчитывать на поддержку армии и флота своих стран, когда их жизни, свободе или собственности угрожает опасность.

ii. ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Мы только что рассмотрели счастливое положение римского гражданина в мирное время. Когда же возникали войны, он становился слугой государства. В отличие от карфагенян, римляне не нанимали наемников в периоды Великих войн. Служба в армии была обязательной для всех граждан в возрасте от семнадцати до сорока шести лет, имевших имущество на определенную сумму. Те, кто уклонялся от службы, подлежали конфискации имущества или продаже в рабство, а дезертирство считалось смертным преступлением.

Дисциплина была строгой, а наказания - суровыми. Но по окончании кампании солдат возвращался к гражданской жизни. Однако к концу III века до н. э. территория Рима вышла за море, и срок службы солдата соответственно удлинился. Это обстоятельство еще более усилило противодействие зажиточных слоев населения, и без того не склонных к службе в армии. Именно такая ситуация привела к тому, что в конце II века Марий заменил добровольный призыв на воинскую повинность. Новый план быстро заполнил ряды армии. Нуждающиеся и авантюристы находили солдатскую карьеру привлекательной. Они принимали ее как работу всей своей жизни. Их домом стал лагерь. "*Esprit de corps* занял место патриотизма". Как я уже отмечал в своих "*Римских политических институтах*": "Отныне солдаты, возвращавшиеся в город после длительных кампаний, не смотрели на своего командира, как их отцы, как на простого согражданина, который, как и они сами, служил государству, а теперь вновь занял место рядом с ними. Долгие периоды службы за границей под руководством одного человека привели к тому, что они стали безоговорочно следовать указаниям отдельного человека". Ветераны Мариуса, Суллы, Помпея и Цезаря могли быть уверены, что на родине они будут следовать политическому руководству человека, под началом которого они служили за границей. В такой ситуации контроль над политикой оказывался в руках тех, кто командовал самыми большими армиями. Что было еще хуже, государство больше не могло рассчитывать на верность своих солдат. Их верность перешла от Рима к главнокомандующему, и от его лояльности или отсутствия политических амбиций могла зависеть безопасность самого правительства. С начала первого века до Рождества Христова и до конца империи зловещая фигура армии постоянно маячит на заднем плане. Как мы только что видели, она была мешающей силой в политике, предоставляя политические должности и неоправданное влияние военным без учета их пригодности к политическому руководству, организуя насильственное вмешательство в общественные собрания, которые ветераны не одобряли; а требования, которые солдаты предъявляли на земли и бонусы, часто ставили правительство в затруднительное положение. О некоторых из этих зол, о которых мы с болью узнали в этой стране после различных войн, у нас будет повод поговорить в следующей главе. К счастью, в нашей истории армия никогда не угрожала существованию стабильного правительства и не использовалась для его свержения, как это было в Риме в 68-69 годах и почти постоянно в течение третьего века нашей эры.

7. Налогообложение и финансы

В области налогообложения и государственных финансов нам нечему поучиться у римлян, разве что в качестве предупреждения. Большая часть доходов государства поступала из провинций, и на протяжении нескольких веков их собирали фермеры-налоговики.^[21] В более поздние времена мы достаточно хорошо знакомы с эксплуатацией провинций, или колоний, как мы их называем, государством или великой торговой компанией, потому что большинство современных наций следуют политике Рима, заставляя свои колонии служить интересам материнской страны. На Сицилии, первой заморской территории, которую приобрели римляне, они переняли систему налогообложения, которая была там в ходу. Эта система основывалась на восточной теории, согласно которой земля принадлежит государю, а те, кто владеет ею, платят ренту за ее использование. На этом основывалось налогообложение и во всех последующих провинциях. Следующими по значимости после дани были таможенные пошлины. Они приносили большой доход, но сильно мешали торговле. Рим владел почти всем цивилизованным миром. Следовательно, пошлины, собираемые на границах империи, не составили бы многого. Римляне разделили империю

на тарифные округа и взимали пошлины с тех, кто въезжал в эти округа. В результате торговля страдала, как и во Франции до революции при аналогичных условиях. Единственным важным налогом в этой связи был пятипроцентный налог на наследство, которым облагалось имущество, оставленное не только ближайшим родственникам. Он был введен Августом, взимался с римских граждан и встретил яростное сопротивление. Эта система в целом освободила Италию от налогового бремени.

Поэтому предоставление Каракаллой в 212 году римского гражданства практически всем свободным гражданам в провинциях стало тяжелым ударом по Италии, поскольку подняло провинции до уровня полуострова и открыло Диоклетиану путь к применению его фискальных реформ ко всему римскому миру.^[22] Его система налогообложения была одной из самых полных и методичных, которые когда-либо были известны. Здесь мы можем рассказать лишь о некоторых ее особенностях. Население делилось на три класса: владельцев земли и другой собственности, купцов и рабочих. Для первого класса, наиболее важного для целей налогообложения, фискальной единицей был *капут* или *иугум*. *Капут* - это рабочая сила человека в хорошем состоянии здоровья. *Иугум* - участок земли, от которого можно было ожидать фиксированного дохода. Количество *капутов* и *иугов* определялось тщательной переписью через определенные промежутки времени, и каждый землевладелец платил в соответствии с количеством рабочих и *иугов* в его поместье. Налог, который платили купцы, зависел от капитала, вложенного в их дело. Рабочие платили избирательный налог. План был хорошо продуман, но неспособность правительства снизить оценку имущества по мере снижения благосостояния империи, а также неспособность сократить собственные расходы сделали налоги непосильным бременем и в значительной степени способствовали обнищанию народа и разрушению местного самоуправления. Римская система налогообложения, с некоторыми изменениями, продолжала использоваться после распада империи и оказала влияние на наши современные системы. Пошлины по-прежнему взимались с товаров, перевозимых через границу, на мостах и в других местах на общественных дорогах. От владельцев земли требовалась квота на производство продукции, а имущество тех, кто умер, не оставив завещания, переходило к короне. Понятно, что большинство римских налогов, например, таможенные пошлины, налог на наследство, налог на земельную собственность и налог на опрос, перешли к нам и нашли место в наших современных системах налогообложения.

Средства, которые поступали в императорскую казну из различных источников, упомянутых выше, тратились в основном на управление провинциями, на дороги, мосты и другие общественные работы, на религию, на армию и флот, а также на город Рим. Невозможно определить размер этих различных статей расходов. Было подсчитано, что в начале I века армия обходилась в 160 000 000 сестерций в год, что, по приблизительным подсчетам, с некоторыми колебаниями можно оценить в 8 000 000 долларов. Императорский прокуратор в одной из провинций получал годовое жалованье, которое варьировалось от \$3 000 до \$15 000. Начиная со II века расходы на управление провинциями значительно увеличились благодаря развитию сложной бюрократической системы. Расходы на город Рим включали в себя расходы на строительство и содержание общественных сооружений, на религиозные цели, а также на питание и развлечения для населения. Обращает на себя внимание отсутствие в списке расходов таких статей, как ассигнования на образование и благотворительность, которые составляют важную часть современного бюджета.

При республике контроль над финансами принадлежал в основном сенату, при империи он был разделен между императором и сенатом. Республиканская система управления финансами кажется нам очень свободной и удивительной в случае такого практичного

народа, как римляне. В соответствии с ней сенат выделял деньги на пять лет для использования цензорами на строительство общественных работ, а другие гражданские магистраты голосовали за единовременные расходы, и от них не требовали постатейных отчетов. Как и во многих других случаях, с развитием империи появилась более совершенная система финансового управления. Правительство собирало большую часть налогов через своих агентов. Контроль за поступлениями и расходами был более тщательным, и мы слышим о чем-то, приближающемся к постатейному бюджету. Львиная доля доходов поступала в императорский фиск. Средства, находившиеся в распоряжении императора, были также существенно увеличены за счет развития коронной собственности и частного состояния императора. Многие крупные частные поместья были конфискованы императором, и многие наследства были оставлены ему. Действительно, зачастую для богатого человека было опасно обойти императора в своем завещании. Наследственный принцип престолонаследия никогда не был официально признан в римской конституции, но ему практически следовали от Августа до Нерона, так что интересное различие, которое мы проводим сегодня между собственностью короны и вотчиной императора, было принято не ранее 69 года.

Чеканка римских денег имела ту же историю, что и контроль над бюджетом. При республике им распоряжался сенат. При империи чеканкой золотых и серебряных монет руководил император, бронзовые монеты выпускал сенат. Два эпизода в истории римской чеканки монет представляют интерес для изучающего современные экономические условия. Если выводы профессора Франка, опубликованные в недавнем номере журнала *Classical Philology*[23], верны, то в Риме существовал настоящий биметаллический стандарт с 340 по 150 год до н. э. Он поддерживался путем изменения время от времени количества металла, входившего соответственно в серебряные и бронзовые монеты рассматриваемого периода. Римская система, однако, не предполагала свободной и неограниченной чеканки обоих металлов, поскольку государство ограничивало выпуск денег предполагаемыми потребностями общества. Другой случай произошел в период империи. Его параллелью является неограниченная эмиссия бумажных денег сегодня многими европейскими правительствами. Римскому правительству было трудно выполнять свои обязательства. Оно сделало это путем дебетования монет. Этот процесс зашел так далеко, что в третьем веке оно отказалось принимать свои собственные серебряные монеты в уплату налогов. Константин внес порядок в эту неразбериху, сделав золотой *солид* стандартом. Эта монета стала родоначальницей золотой чеканки как на Востоке, так и на Западе. Ее принимали варварские государства. Со времен Пипина он чеканился из серебра и был в ходу до 1793 года. Современное французское слово *sol* - это, конечно, сокращение его названия.

8. Империализм

Из всех достижений Рима в области политики ни одно не было столь масштабным по своему влиянию и столь продолжительным по своим последствиям, как завоевание мира и успешное управление им на протяжении пяти сот с лишним лет. История ее завоеваний нас здесь не касается. Но, как сказал президент Колумбийского университета Батлер в своем ежегодном отчете за 1921 год: "Ни один образованный гражданин современного свободного государства не может позволить себе игнорировать уроки, преподанные Римской империей, которая на протяжении веков удерживала вместе в содружестве процветающие и довольные народы, сильно различающиеся по религиозной вере, расовому происхождению и разговорной речи". Как ей удалось сварить их всех, бриттов, галлов, испанцев и африканцев, в единый народ, чье чувство единства было настолько сильным, что даже за прошедшие века оно не угасло окончательно? Никакие национальные

герои никогда не вытеснят Траяна или Овидия в сердцах румынского народа. Когда несколько лет назад итальянцы захватили Триполи, они считали, что идут по стопам своих великих предков, а политическая карикатура, которая была широко популярна в Италии во время войны и во многом способствовала росту энтузиазма, изображала теневого римского полководца, возможно Сципиона, высаживающегося в Африке во главе итальянской армии. Как мало современных империй могут надеяться на создание подобных традиций, когда речь идет о народах чужих рас и религий! О том, что римлянам удалось развить чувство солидарности и лояльности во всей своей империи в большей степени, чем современным нациям, свидетельствуют с разных точек зрения такие компетентные судьи, как лорд Кромер и Буассье. В своей книге *"Древний и современный империализм"* лорд Кромер говорит: "Если мы обратимся к сравнительным результатам, достигнутым древними и современными империалистами; если мы спросим себя, удалось ли римлянам, с их несовершенными средствами передвижения и коммуникации, относительно низким уровнем общественной морали и незнанием многих экономических и политических истин, которые теперь стали аксиомой, как и любому современному народу, ассимилировать народы, которые доблесть их оружия привела под их власть, то ответ не может быть сомнительным. Они преуспели гораздо лучше". В другом месте он отмечает, что "между британцами и их чужеземными подданными не было ни полного слияния, ни настоящей ассимиляции, и, насколько мы можем сейчас предсказать, будущее в этом отношении будет лишь повторением прошлого".

Это беспрецедентное достижение римлян заслуживает внимания не только с исторической точки зрения, но и методы ассимиляции и управления, обеспечившие им успех, должны быть особенно интересны и поучительны для нас в наши дни ожесточенного национального соперничества за контроль над неосвоенными землями и природными ресурсами. Справедливости ради следует отметить, что римляне были более успешны среди полукцивилизованных народов Запада, чем на греческом Востоке. Верно и то, что большинство народов в пределах империи были представителями белой расы, а к темным расам римляне, похоже, не проявляли такого отвращения по цвету кожи, какое проявляют современные белые народы. Кроме того, принятие политеизма в древнем мире способствовало слиянию двух чужих народов, поскольку каждый из них был терпим к религии другого и с готовностью принимал чужие божества в свой пантеон, тогда как, как мы знаем, монотеистические верования современных народов-завоевателей, такие как христианство и магометанство, стоят как барьер между завоевателями и завоеванными. В дополнение к конкретным цивилизационным средствам, которые они использовали, и которые мы будем иметь возможность отметить через некоторое время, мы можем найти основания их успеха в определенных умственных и политических качествах и привычках. Римляне не были идеалистами. Поэтому они не пытались навязать завоеванному народу новую политическую и социальную систему. Более того, они были интеллектуально флегматичны и отстранялись от задачи продумать политическую систему во всей ее полноте. Им не хватало бдительности ума, и они не проявляли особого интереса к политической философии. Их политика внутри страны и за рубежом была оппортунистической. Поэтому, приобретая новую территорию, они довольствовались несколькими общими положениями, а затем позволяли завоеванному народу продолжать жить своей жизнью, сохраняя старую религию, обычаи, практику и местные институты. Помимо мудрой политики терпимости, в лучший период провинциального управления римляне следовали здравым административным принципам. Они создали градированную гражданскую службу с разумной надеждой на продвижение по службе для компетентных чиновников. Таким образом, они сформировали корпус опытных администраторов. Они платили адекватную зарплату губернаторам провинций и их подчиненным и достаточно надежно защищали их от смещения по чисто политическим мотивам. Домашнее правительство осуществляло

тщательный надзор за провинциальными чиновниками, а для рассмотрения выдвинутых против них обвинений были предусмотрены суды. Насколько нам известно, эти мудрые принципы управления зависимыми территориями впервые были применены римлянами, и лишь немногие из современных империй, если таковые вообще имеются, соблюдают их той же тщательностью, что и некоторые римские императоры[24].

Наряду с хорошей административной системой, защита жизни и собственности сопровождалась постепенным распространением римского права. В последнем вопросе терпение и умеренность римлянина проявляются с особой ясностью. Несмотря на то, что он высоко ценил свой собственный закон, римлянин позволил провинциальным городам туземного происхождения сохранять свои собственные местные кодексы. Только колонии должны были принимать римское право, но, поскольку колония пользовалась особыми привилегиями, туземные общины часто стремились получить статус колоний, а вместе с этим статусом они охотно принимали римское право. Повседневная жизнь испанца или африканца под римским владычеством продолжалась, как и прежде. Он занимался своими повседневными делами, как и раньше. Он поклонялся своим родным богам, участвовал в традиционных городских праздниках и веселье. Если кто-то ущемлял его права, он подавал иск в соответствии со старыми законами в магистрат по собственному выбору. Однако некоторые общие изменения, произошедшие под властью римлян, существенно улучшили его положение. Его налоги обычно были меньше, чем до прихода римлян. Его жизнь и имущество были в большей безопасности. Развивалась торговля, и он видел, как растет его родной город. Такое мудрое обращение со временем привело к тому, что коренные жители Запада стали смотреть на римское правительство дружелюбно.

Но римляне использовали и позитивные методы цивилизации и романизации вновь завоеванных народов. Наиболее эффективными из них были строительство дорог, введение латинского языка и основание колоний. Успех современных империалистических государств во многом определяется их мудрым или неразумным использованием этих средств для развития зависимых территорий и привязки их к остальной части империи, но во всех трех этих вопросах нам есть чему поучиться у римских методов. Первая из великих римских дорог, Аппиева дорога, была построена в 312 году до н. э., ближе к концу завоевания Центральной Италии. Она проходила от Рима до Капуи и вскоре была продлена до порта, который сегодня носит название Бриндизи. До конца второго века до нашей эры были построены еще четыре большие магистрали, соединяющие Рим с Генуей, Реджио, Римини и другими пунктами Северной Италии. От этих магистралей были построены ответвления к крупным городам, не расположенным на главной магистрали. Эта сеть дорог соединила все важные районы Италии друг с другом и с Римом. Те, кто видел остатки Аппиевой дороги или других римских дорог, знают, насколько хорошо они были построены. Политика, которая была принята в Центральной Италии, Южной Италии и Северной Италии, по мере того как часть за частью полуострова уступала римскому оружию, была перенесена в провинции. Например, карта Испании конца правления Августа с системой дорог, проложенных его инженерами, доказывает, насколько тщательно римляне разрабатывали планы по умиротворению страны и освоению ее ресурсов. Эти дороги в провинциях, как и Транссибирская магистраль, строились в первую очередь для военных целей. По ним было удобно отправлять войска и грузы во все уголки империи. Но они служили и более важной цели: способствовали развитию торговли, приводили отдаленные регионы в более тесную связь друг с другом и с Римом, а также формировали общий образ жизни и мышления во всем мире. Другими словами, они помогали сделать империю единым целым. Даже после того, как политические узы, которые удерживали империю вместе, ослабли, дороги остались. Они делали возможными торговлю и путешествия. Они служили удобным средством связи между

различными частями света и оказали мощное влияние на сохранение для нас черт римской цивилизации[25].

Одна из причин, по которой римляне превзошли современные империалистические государства в использовании этого эффективного средства цивилизации, заключается в том, что в мирное время они использовали своих легионеров и вспомогательные войска для строительства дорог и других общественных работ. История Третьего легиона Августа в Африке, изложенная Ридом в его "*Римских муниципалитетах*", весьма поучительна.[26] Этот легион был расквартирован в Северной Африке в течение полутора-двух веков, и из многочисленных надписей, которые французы обнаружили там, мы можем видеть благотворные результаты его трудов по всей провинции. В дополнение к дорогам, которые он построил, и цепи крепостей, которые он возвел вдоль границы, есть по крайней мере пять крупных городов, которые обязаны своим строительством почти полностью солдатам Третьего легиона. Они же развили город Тевесте и построили в нем все общественные здания. Когда окружающая страна становилась мирной и процветающей, легион переходил на новый форпост, постоянно расширяя сферу римского влияния. Такова история Тимгада. Сначала это был военный пост, созданный для пресечения набегов кочевых племен через горы. Солдаты построили храмы, бани и все другие общественные здания, необходимые для римского города, и к 100 году н. э. его значение было признано, и он занял гордое положение римской колонии. Во всех частях империи мы находим надписи, фиксирующие строительство солдатами дорог, мостов, амфитеатров, акведуков и гаваней. Можно ли в наше время использовать солдат для таких целей, сомнительно, но мы, по крайней мере, можем увидеть в использовании римлянами своих солдат одну из причин их успеха как строителей империи.

Еще один способ - солдаты сыграли важную роль в романизации вновь завоеванной территории. Возле каждого важного гарнизона возникали *канабы*, или поселения торговцев и лагерников. Многие из вспомогательных войск женились на местных женщинах, которые устраивали свои дома в этих деревнях. По окончании срока службы эти иностранные солдаты становились римскими гражданами. Их браки с местными женщинами были узаконены, и они поселялись в этих приграничных общинах, чтобы внедрять римские идеи и римские институты в окружающую страну. Если вспомнить, что во втором веке насчитывалось, вероятно, 200 000 вспомогательных войск, то можно понять, какое огромное влияние оказало их поселение в провинциях. В связи с этим удобно говорить об "организациях римских граждан", или *conventus civium Romanorum*, как их называли. Как только приобреталась новая провинция, римские банкиры, купцы, судовладельцы и мытари отправлялись в нее и селились в важных городах. Они быстро создавали свою собственную организацию в общине, где жили, потому что для римлян было естественно создавать политическую или социальную организацию, а также потому, что определенные права и привилегии, которыми они обладали, выделяли их из остальной части общества. Они составляли аристократию городов, в которых жили, и многие местные жители, должно быть, были подтолкнуты к принятию римских идей и получению римского гражданства ради того, чтобы быть зачисленными в *conventus*. Торговля, которую вели эти купцы, и которую делала возможной прекрасная система дорог, оказывала выравнивающее влияние на всю Империю. Италия и Галлия отправляли свою керамику и бронзовую посуду, Сирия - шелк и лен, Египет - хлопчатобумажные изделия и слоновую кость, Аравия - камедь и пряности во все великие центры мира. Таким образом, предметы повседневного использования и многие предметы роскоши были одинаковыми во всех провинциях, что, должно быть, оказало большое влияние на единообразие повседневной жизни всех людей под властью Рима. Торговля обычно "следовала за флагом", но в некоторых случаях предприимчивые римские

купцы шли впереди него. Траян нашел их в столице Парфии, когда взял этот город, а в Александрии существовала "организация римских граждан" задолго до того, как Рим установил протекторат над Египтом.

В своей книге *"Древний и современный империализм"* лорд Кромер отмечает: "Современные империалистические нации пытались использовать распространение своего языка, чтобы привлечь к себе политические симпатии. Это было заметно в случае с французами в бассейне Средиземного моря и - хотя, возможно, менее целенаправленно - в случае с англичанами в Индии. Я не думаю, что какая-либо из наций может достичь большого успеха в этом направлении. Они, конечно, будут гораздо менее успешны, чем римляне. Ни во французских, ни в британских, ни, думаю, в русских владениях нет ни малейшей вероятности того, что иностранные языки в конце концов вытеснят языки простонародные". В другом месте он говорит: "(Мой) вывод состоит в том, что большое знание какого-либо европейского языка, часто приобретаемое отдельными людьми среди подвластных рас современных империалистических держав, ни в коей мере не способствует возникновению политической симпатии к людям, для которых этот язык является родным..... Более того, в некоторых отношениях он (т.е. язык) скорее склонен к срыву, так как снабжает подвластные расы очень мощной рукой против их чужеземных правителей". Это откровенное признание компетентного лица в том, что языки доминирующих наций не пользуются большим успехом среди подвластных рас и что владение ими часто приводит к отчуждению завоеванных народов от их правителей, что мы недавно видели на примере лидеров революционных движений в Индии, заставляет обратить внимание не только на замечательный успех римлян в превращении латыни в общий язык западного мира, но и на то, как эффективно они использовали его для объединения империи. В двух главах своей книги *"Простой народ Древнего Рима"* я попытался показать, какова была природа этого языка и как он распространился по империи.^[27] Например, в Дакии, или современной Румании, провинции за Дунаем, которой римляне владели всего сто семьдесят пять лет, латынь была настолько прочно утверждена, что сохранилась в своей современной форме до наших дней. В своей работе *"Романизация римской Британии"* Хаверфилд на основе изучения эфемерных надписей на кирпичах и черепице показал, что "латынь свободно использовалась в городах Британии, причем не только по серьезным поводам или высшими классами, но и слугами и рабочими для самых случайных целей". Миссионерами, которые несли ее по всему древнему миру, были солдаты, колонисты, торговцы и чиновники. Удивительно узнать, что все классы не только говорили на латыни, но и умели читать и писать на ней. По всей империи от Британии до Дакии та же история. На надгробных плитах мелких торговцев и вольноотпущенников, а также на бронзовых табличках с законами и указами - латинский язык, причем по сути тот же самый, что можно услышать в Риме. Очевидно, что современным империалистическим государствам есть чему поучиться у методов, которые так успешно использовал Рим для распространения своего языка среди подвластных рас. Лорд Кромер сожалеет о том, что знакомство с языком правящего народа часто становится в наше время оружием, которое обращается против этого народа. В римских провинциях он давал возможность отличиться, открывал путь к более полным правам и привилегиям и делал обладателя языка еще большим сторонником римского режима.

Ничто так не подчеркивает огромный контраст между индивидуализмом современности и солидарностью римского содружества, как сравнение методов, применяемых сейчас и две тысячи лет назад при заселении неосвоенных стран.^[28] Сообщения о больших ресурсах Аляски приходят в Орегон, Колорадо и Нью-Йорк. Люди со всех концов спешат туда без разбора. На каком-нибудь перспективном месте почти за ночь вырастает деревня. В нем нет ни магистрата, ни общего совета. Постепенно некоторые из наиболее общественно активных

жителей объединяются в группы, чтобы поддерживать порядок и отправлять грубое правосудие. Со временем организуется муниципальное правительство. Римский метод захвата новой территории значительно отличался от этого. Он заключался, прежде всего, в создании колоний в новом регионе. Выбирались наиболее привлекательные по стратегическим и торговым соображениям места, народное собрание принимало закон, разрешающий основание колонии, и назначало уполномоченных для ее основания. От трехсот до нескольких тысяч колонистов были записаны и в военном порядке отправились на выбранное место. Комиссары распределяли участки, разрабатывали устав новой общины, назначали первых магистратов и членов местного сената. Эта компактная и высокоорганизованная община римлян служила военным форпостом и центром распространения римской цивилизации. Полное умиротворение и романизация Италии произошли во многом благодаря влиянию этих колоний. В Италии и провинциях было создано более четырехсот сорока таких общин. Современным империям есть чему поучиться у этой особенности римской политики, и кажется, что мы уже начинаем ценить ее значение. В последние годы штат Калифорния принял систему колонизации, очень похожую на римскую. Он выбирает место, назначает экспертов для разделения земли, тщательно отбирает колонистов и отправляет колонию под руководством совета директоров. В соответствии с мерой, предложенной министром внутренних дел США Лэйном год или два назад, но еще не принятой Конгрессом, подобные поселения должны были быть основаны на государственных землях при сотрудничестве федерального правительства и правительств штатов. Интересный эксперимент по римскому плану, но под частной эгидой, был проведен в июле 1921 года, когда организованная группа избранных колонистов отправилась из Бруклина, чтобы основать поселение в Айдахо при сотрудничестве с этим штатом.^[29] Преимущества римского плана перед нашим обычным методом заселения нового региона очевидны сразу.

Обсуждение этой особенности политики, которой придерживались римляне на вновь приобретенной территории, естественно, приводит нас к разговору об их отношении к туземным общинам. Лорд Кромер отмечает, что в римских провинциях не было самоуправления. Действительно, в Испании и Галлии не было собственных законодательных органов и главных магистратов, но реальными административными единицами, с которыми Рим имел дело при заключении своих соглашений, были города-государства Испании и Галлии, и они обладали значительной долей самоуправления, предоставленной им их уставами. В такой провинции, как Испания, можно встретить общины на всех различных этапах развития - от зависимой деревни до свободного города или римской колонии, и можно задаться вопросом, не была ли римская система более практичной, чем наша. Например, мы рассматриваем Порто-Рико как единое целое. Все деревни или города на острове ставятся на одну правовую основу, независимо от того, в каком состоянии находится цивилизация разных городов. Римляне предоставили бы полные права гражданства одному или двум из них, а остальных вывели бы из более низкого состояния по мере того, как они становились бы более цивилизованными и процветающими. Таким образом, они держали перед местными общинами приз, которого те всегда стремились достичь, и начиная с первого века нашей эры мы видим, как один город за другим продвигается к более полному осуществлению гражданских прав. Та же политика применялась и к отдельным людям. Римское гражданство часто предоставлялось избранным членам общины. Такой грант отождествлял интересы провинциальных лидеров с интересами Рима и заручался их поддержкой римского режима.

Средства, которые Империя так успешно использовала для романизации провинций, то есть установление закона и порядка, сохранение местного самоуправления, либеральное

предоставление гражданства квалифицированным лицам и городам, развитие хорошей гражданской службы, строительство дорог, общественные работы, введение латинского языка и римского права, а также объединяющее влияние в более поздний период Церкви, породили чувство солидарности во всем западном мире, которое стало одним из самых ценных наследий, переданных римлянами в последующие времена. Даже Клавдиан, последний значительный римский поэт, писавший после сокрушительного поражения Валенса от варваров при Адрианополе, ясно видел, что, несмотря на все бедствия, постигшие Рим, чувство единства все еще сохранялось во всем западном мире. Он со скорбью пишет о богине РOME:

*"Слаб ее голос, и медленны ее шаги; глаза ее
глубоко запали, щеки потухли, руки
Дряхлеют от истощения".*

но в другой момент он триумфально восклицает: "Мы, пьющие Рону и Оронт, - один народ". Чувство, которое выражает Клавдиан, сохранялось на протяжении всего Средневековья. Германские государства в Италии признавали его, помещая портрет восточного императора на свои монеты. Как отмечает Пул в своих *"Иллюстрациях к истории средневековой мысли"*: "Империя Карла Великого не была простым возрождением угасшей империи Запада. Она была продолжением той вселенской империи, чью резиденцию Константин основал в Византии, но чье существование там теперь считалось прекращенным в результате престолонаследия женщины, императрицы Ирины..... Империя, таким образом, вернулась на свое законное место, а ее титул перешел к Карлу Великому". Все мелкие правители по всей цивилизованной части Европы также считали, что их власть исходит от Римской империи. Это чувство единства поддерживалось использованием старых римских торговых путей, использованием латинского языка в качестве *лингва-франка* Европы, церковью и постоянным применением римского права. Римское право, в частности, оказывало стабилизирующее влияние на протяжении многих веков после распада империи. На Востоке и в тех частях Италии, которые контролировались преемниками Юстиниана, действовал Кодекс Юстиниана. Римское право в значительной степени вошло также в *бревиарий* Алариха, законы бургундцев, эдикт Теодориха и французские капитулярии. Право Юстиниана преподавалось в школах Рима и Равенны без особого перерыва с шестого по одиннадцатый век, а с возрождением торговли, последовавшим за крестовыми походами, началось активное развитие римского меркантильного права. После десятого века "наметилась тенденция к единству внутри определенных областей и политическому отделению этих больших областей друг от друга". Это стремление к национализму достигло своего апогея во времена Реформации. Дух большего единства, который в предыдущие века переняла Римская империя, в значительной степени исчез, но тоска по нему, потребность в нем и знание того, что он когда-то существовал и может быть вызван к жизни снова, находят сегодня свое выражение в организации Лиги Наций. То, насколько катастрофическим было его вытеснение нынешним интенсивным националистическим духом, признается со всех сторон. Кажется, что Филипп Керр, который был секретарем Ллойд Джорджа на мирной конференции в Париже, думал о невосполнимой потере, которую понесла Европа в этом отношении, когда он сказал в своем выступлении на Уильямстаунской конференции в 1922 году: "Что является основной причиной войны? Я не говорю "единственная причина войны", но самая активная и постоянная причина. Это не раса, не религия, не цвет кожи, не национальность, не деспотизм, не прогресс или любая из тех причин, которые обычно

называют. Это разделение человечества на отдельные государства. Предположение, которое я хочу утвердить сегодня, - это разделение человечества на отдельные государства, каждое из которых обязано хранить верность самому себе, каждое не признает никаких законов выше своей собственной воли, каждое рассматривает каждую проблему со своей точки зрения, что и является основной причиной войны". Рим скрепил партикуляризм древнего средиземноморского мира в единство своей империи. Только благодаря такому же признанию солидарности интересов всех цивилизованных народов мы можем надеяться выйти из тех условий, которые угрожают нам сегодня.

III. НЕКОТОРЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ОБЩИЕ ДЛЯ РИМЛЯН И СОВРЕМЕННЫХ НАРОДОВ

Политические и социальные проблемы, стоявшие перед Римом, - это те проблемы, с которыми сталкиваются сегодня Америка, Англия и Франция, и ничто так ясно не указывает на тесную связь нашей цивилизации с ее цивилизацией, как идентичность этих древних и современных проблем. Ни в каком отношении изучение ее истории не может принести нам больше пользы, чем созерцание средств, которые Рим использовал для их решения. Ее успехи могут служить нам руководством, а ее неудачи - предостережением. Некоторые из трудностей, с которыми пришлось столкнуться Риму, стали очевидны при обсуждении определенных тем в двух предыдущих главах, а о других мы можем кратко рассказать лишь в нескольких случаях и в основном в качестве иллюстрации.

1. Цветной и трудовой вопросы

Два наиболее серьезных социальных и политических вопроса не выходят на поверхность в римской истории, по крайней мере, не в той форме, в которой они предстают сегодня. Я имею в виду "вопрос цвета" и вопрос труда. Лорд Кромер в книге, на которую уже была сделана ссылка, выражает мнение, что "антипатия, основанная на различиях в цвете кожи, - растение сравнительно недавнего времени". Он связывает ее развитие с тем, что в современную эпоху белый человек поработил только черного. Из этого отношения развилась враждебность двух рас, которая расширила свои рамки и в некоторой степени определила отношение белого человека к коричневым и желтым людям. У римлян были как белые, так и черные рабы. Все чужеземцы находились на одной ступени с ним. Поэтому у него не было тех трудностей в общении с темными расами, которые испытывают некоторые современные народы.

В городах и деревнях Римской империи мы находим надписи, свидетельствующие о существовании около пятисот различных торговых гильдий.^[30] Промышленность была доведена до высокой степени специализации. Мы находим организации плотников, столяров, золотых и серебряных дел мастеров, изготовителей сандалий, пекарей, шкиперов, актеров, гладиаторов и людей почти всех мыслимых профессий. Однако в римской истории нет ни одной записи о промышленной забастовке,^[30a] как и о вмешательстве трудового вопроса в политику. Несмотря на свою многочисленность и большое количество членов, римские профсоюзы, похоже, не пытались повысить заработную плату или улучшить условия труда. Они были в первую очередь благотворительными и социальными обществами. Большинство рабочих трудились в собственных домах или в небольших мастерских, а не на

крупных фабриках, где общие условия развивали классовое сознание и чувство солидарности. Кроме того, подавляющее большинство работников ручного труда были либо рабами, либо вольноотпущенниками, и совместные действия по улучшению их положения были бы практически невозможны.

2. Голосование и выборы

Переходя к обсуждению некоторых общих для римлян и современных народов политических и социальных проблем, мы можем начать сравнительное исследование этих вопросов с того, как римляне пытались пресечь пороки, связанные с агитацией за голоса избирателей и проведением выборов. Простота и строгость старого времени хорошо иллюстрируется самыми ранними законами о коррупции, которые запрещали кандидатам на государственные должности белить свои тоги или ходить среди крестьян в базарные дни. Далее мы слышим об указе, запрещавшем двум кандидатам объединяться против соперника. Только во втором веке до нашей эры, когда в Рим начали стекаться богатства из провинций, мы находим в сводах законов законы против взяточничества. С этого времени множатся доказательства того, что на выборах использовались мошенничество и сила. В период с 67 по 52 год до н. э. было принято не менее шести законопроектов, направленных на подавление политической коррупции. Два зла, которые были наиболее распространены, - это создание коррумпированных политических клубов и чрезмерная трата денег кандидатами. Претенденты на должность тратили огромные суммы на гладиаторские игры и публичные банкеты. О политических клубах много говорится в *"Справочнике кандидата"*, который Квинт Цицерон адресовал своему брату в 64 году до н. э., когда Марк был кандидатом на пост консула. Эти организации создавались амбициозными политиками для контроля над выборами с помощью подкупа или применения силы. Они срывали политические собрания кандидатов от противоположной партии, блокировали входы в избирательные кабины, выдавали бюллетени только своей партии и открыто агитировали избирателей, которых можно было подкупить. Римляне еще меньше преуспели в борьбе с этими пороками с помощью законодательства, чем мы. Они исчезли только после того, как выборы были переданы от народа к сенату. Средствами, которые больше всего помогали сдерживать их, были введение тайного голосования, учреждение специального суда для рассмотрения дел о взяточничестве с правом налагать суровые наказания и подавление всех политических клубов. Последняя мера была очень полезной, но ее было легче принять в Риме, где право на объединение было ограничено, чем сегодня. Современник Цицерона, Катон, внес интересное предложение, согласно которому все вновь избранные магистраты должны были предстать перед судом и доказать, что они были избраны законным путем, но этот законопроект не прошел.

Деньги свободно использовались недобросовестными претендентами на должность, но маловероятно, что капитал играл ту важную роль в руководстве политикой государства, которую ему приписывают некоторые современные авторы. Подавление пиратства в Восточном Средиземноморье и восстановление порядка в Малой Азии Помпеем, несомненно, были достигнуты благодаря влиянию банкиров и налогоплательщиков, но два или три важных обстоятельства позволяют с уверенностью утверждать, что "большой бизнес" не имел в Риме той политической власти, которую он имеет сегодня.^[31] Сумма денег, вложенных в государственные заказы, была сравнительно небольшой. Даже при Республике лишь небольшая часть доходов с провинций собиралась частными римскими

компаниями, а при Империи, как мы уже заметили, сбор налогов все больше и больше переходил в руки государства. Наконец, крупных финансовых корпораций, похоже, было не так уж много, и мало, если вообще есть, свидетельств того, что они объединялись для оказания давления на правительство. На самом деле римский бизнес и торговля были в значительной степени индивидуалистическими.

3. Политический босс

В прошлом веке до нашей эры политические и социальные условия были идеальными для развития политического босса, и во многих отношениях они напоминают наши. Прежде всего, Рим, как и многие наши крупные города сегодня, был заполнен иностранцами. Позже у нас будет возможность более подробно обсудить социальные и экономические последствия присутствия в Италии и Риме этого иностранного населения. Для нашей цели достаточно отметить, что профессор Франк в недавнем номере *"Американского исторического обозрения"* [32] показал, что почти 90 процентов населения, постоянно проживавшего в Риме в период империи, были иностранцами. Большинство из этих иностранцев, конечно, были рабами, но многие были вольноотпущенниками, имевшими право голоса. Они не знали римских политических традиций. Многие из них зарабатывали на жизнь не слишком стабильно, и их голоса, вероятно, можно было получить за деньги или благодаря влиянию покровителей. Из таких людей в значительной степени состояли гильдии и политические клубы поздней Республики. К ним следует добавить свободных людей, которые были вытеснены из сельских районов в результате упадка сельского хозяйства или перебрались в город из-за привлекательных сторон, которые он мог предложить. Эти слои населения, естественно, попали под руководство политических боссов. Случилось так, что некоторые из политических боссов этого периода командовали или все еще командовали крупными армиями. Ветераны, служившие под началом этих командиров и обосновавшиеся в Италии, естественно, приняли политическое руководство своих бывших офицеров. В нашей стране мы знакомы с огромным влиянием, которое оказали в конце нескольких наших войн компактные организации бывших военнослужащих. Кроме того, в Риме не было постоянных партийных организаций. Избиратели следовали за лидером, а не за политическим принципом. Все это способствовало укреплению рук босса, и политическая история последней половины века Республики сосредоточена вокруг деятельности таких людей, как Марий, Красс, Цезарь, Милон и Хлодий. Действительно, Первый триумвират, управлявший Римом в течение десяти лет, не имел никакой юридической основы. Он опирался на личное соглашение между Цезарем, Помпеем и Крассом о разделе политических трофеев. В определенной степени Август продолжил эту традицию, поскольку его власть во многом основывалась на том, что поддерживаемые им кандидаты на должность обязательно будут избраны и будут выполнять его волю после выборов, а значит, поддерживаемые им меры обязательно будут приняты. Римский босс отличался от большинства современных политических боссов своей готовностью занять пост и взять на себя ответственность, которую влечет за собой занятие должности.

Политический босс, конечно, отвратителен для олигархической системы.

Основополагающий принцип аристократии заключается в том, что ни один человек не должен добиваться чрезмерного превосходства над другими представителями своего класса, и, пожалуй, ни один орган управления не разработал столько мер защиты от цезаризма и не укрепился в традициях так прочно, как это сделал римский сенат. Каждый претендент на важную магистратуру должен был достичь определенного возраста и занять все низшие должности. Эти положения не позволяли успешному политику попасть в консулы

на внезапной волне народной благосклонности, а срок полномочий консула был настолько коротким, что у него было мало возможностей закрепить свое политическое положение. Против него стоял сенат с его *esprit de corps* и властью контролировать назначения, ратифицировать или отклонять договоры, что, как мы заметили в прошлой главе, позволяло ему в значительной степени определять внутреннюю и внешнюю политику. Римский сенат на протяжении многих десятилетий защищал себя от политических устремлений успешных полководцев, предоставляя им или не предоставляя достаточную армию, выделяя им щедрые или скудные ассигнования, требуя, чтобы они представляли ему на ратификацию все свои акты, а также предоставляя им или отказывая в триумфе или "благодарственном молебне" по возвращении в Рим. Его власть была сломлена только в последний век Республики, когда некоторые демократические магистраты обратились непосредственно к народному собранию. Аналогом этого шага со стороны исполнительной власти неоднократно были случаи, когда глава администрации США или штата в борьбе с законодательным органом обращался к избирателям[33].

4. Отзыв

Одна из политических проблем, которой мы уделяем большое внимание в последние годы, связана с возможностью отстранения от должности избранного чиновника. К достижению этой цели мы подходим двумя способами: традиционным методом импичмента или новым - отзывом. Они отличаются тем, что первый является судебной процедурой, в то время как отзыв осуществляется путем прямого действия избирателей. Римляне были практичным народом и не любили вмешиваться в упорядоченное ведение государственных дел путем отстранения руководителя от должности. Поэтому у нас нет никаких сведений о попытках сместить гражданского магистрата с должности, пока мы не перейдем к бурному периоду второго века до нашей эры. В 169 году до н. э. один из цензоров того года был подвергнут импичменту и предстал перед народным собранием, а в 133 году до н. э. трибун Тиберий Гракх добился отзыва своего коллеги Октавия путем народного голосования. Оба случая иллюстрируют применение римской доктрины народного суверенитета в ее крайней форме. Однако ни один из этих методов не нашел поддержки в последующие годы. На самом деле римляне не испытывали такой необходимости в обоих процессах, как мы сегодня, поскольку трибун мог наложить вето на произвольные или недобросовестные действия магистрата.

5. Пенсии, премии и милитаризм

Один из важных политических и экономических вопросов, которые приходится решать современным странам по окончании войны, - это восстановление солдат в гражданских профессиях и предоставление им материальной компенсации за их заслуги. После Гражданской войны в нашей стране этот вопрос был решен путем открытия земель на Среднем Западе для заселения и выделения значительных средств на выплату пенсий. На момент написания статьи потребности солдат, возвращающихся к гражданской жизни после окончания войны с центральноевропейскими державами, были частично удовлетворены за счет системы страхования, выплаты небольшой суммы при увольнении и обеспечения инвалидов. Кроме того, предлагалось выплачивать компенсацию мужчинам, с честью уволенным со службы, путем предоставления им либо денежных выплат, либо земельных участков. Все эти планы были опробованы римлянами. Вплоть до конца второго века до нашей эры в легионы записывались только зажиточные люди. Марий впервые открыл ряды для пролетариата. Когда срок службы его солдат подходил к концу, он должен был позаботиться об их обеспечении. Для этого он основал колонию и выделил им в ней

участки. Этому прецеденту последовали Сулла, Помпей и Цезарь, и в период с 59 по 31 год до н. э. было создано двадцать пять или тридцать колоний для ветеранов. При империи солдат также получал фиксированную сумму денег при увольнении. Общества пособий, которые римское правительство поощряло среди солдат, служили примерно той же цели, что и наша система страхования на случай войны. Система бонусов была впервые официально принята Августом в 7 году до н. э. вместо обычных земельных пожалований. В это время он выдал своим уволенным солдатам вознаграждение в размере 400 000 000 сестерций, как он рассказывает в своей биографии.^[34] Хотя это, возможно, самый ранний случай систематического присуждения крупной денежной выплаты, случайные гранты такого рода происходили гораздо раньше, потому что бонус берет свое начало в разделе военных трофеев между солдатами и выдавался во время триумфа. Когда практика выдачи бонусов официально закрепились, случаи, когда они выдавались, были умножены по политическим причинам. Чтобы завоевать популярность в армии, Тиберий при вступлении на престол выдал каждому солдату денежное пособие, его примеру последовали Калигула, Клавдий, Нерон и большинство их преемников. В поздней империи, когда поддержка армии становилась все более важной для императора, премии увеличивались в размерах; их давали на многие юбилеи, и они ложились тяжелым бременем на императорскую казну. В четвертом веке император Юлиан, который был далеко не воинственным, взошед на трон, выдал каждому римскому солдату премию, номинальная стоимость которой равнялась примерно тридцати двум долларам. Поскольку в армии было, вероятно, 400 000 солдат, эта акция обошлась правительству в 12 800 000 долларов или почти 50 000 000 долларов, если приблизительно подсчитать, что золото и серебро тогда покупалось в четыре раза дороже, чем сейчас. Милитаристский дух Рима дошел до нас и оказывает свое влияние сегодня. Кампании и завоевания великих римских полководцев с мельчайшей тщательностью изучаются генералами и государственными деятелями современности. Например, тщательные исследования кампаний Цезаря были сделаны Наполеоном III, полковником Штоффелем из его штаба и в большом труде генерала фон Гелера, посвященном маршалу фон Мольтке, с примечательной фразой: "Feldherr und Sieger auf gallischem Boden". В другом месте, в работе о тенденциях развития классической истории, я отметил тот факт, что изучение римской военной истории привлекало внимание необычайно большого числа ученых в годы, непосредственно предшествовавшие войне с государствами Центральной Европы. Немаловажным было и то, что многие из этих авторов в своих оценках людей и событий древности молчаливо придерживались принципа, что в конечном счете ход истории определялся применением голых сил и что мировой прогресс обеспечивался покорением малой нации великой.

6. Случаи патернализма

В одной из предыдущих глав мы попытались показать, как римляне во втором веке до нашей эры пытались сдержать падение нравов и рост расточительности, предоставив цензору чрезвычайную свободу действий в отношении повседневной жизни граждан. В этой связи будет интересно сказать пару слов о трех или четырех других случаях патернализма, когда государство вмешивалось в частную жизнь или бизнес в надежде исправить какое-то широко распространенное зло или социальное расстройство. Все эти социальные пороки, которые пытался исправить Рим, имеют свои аналоги в наше время. Самой яркой из этих проблем была безработица и нехватка продовольствия в крупных городах. Именно эту проблему пытался решить Гай Гракх своим законом о кукурузе в 123 году до н. э. По нашим лучшим оценкам, население Рима в начале Империи составляло 800 000 человек^[35]. Возможно, во времена Гракхов оно насчитывало полмиллиона. Италия, обеспечивая свои собственные потребности, не могла обеспечить всех этих людей достаточным количеством

пищи или продуктами по ценам, доступным для бедных. Во времена сильного дефицита предыдущие правительства пытались решить эту проблему, доставляя зерно в Рим из Сицилии и Сардинии. Мотивы, которыми они руководствовались, не были в первую очередь гуманитарными. Но голодный пролетариат поставил бы под угрозу существование общества и правительства. Гай Гракх попытался сделать систематическим образом то, что некоторые его предшественники пытались сделать нерегулярно. Он организовал закупку и транспортировку зерна из провинций и обеспечил его продажу по цене, примерно вдвое ниже рыночной. Возможно, он рассматривал эту меру как временное паллиативное средство на случай чрезвычайных обстоятельств. Возможно, впоследствии он надеялся покончить с безработицей, развивая промышленность Рима и расселяя нуждающихся по колониям. Возможно, он рассчитывал стимулировать сельское хозяйство в Италии и таким образом снизить цены на продукты питания. Но непосредственным результатом стало признание государством своей обязанности обеспечивать город продовольствием и регулировать цены на предметы первой необходимости в соответствии с кошельком потребителя. В течение семидесяти пяти лет после трибуната Гракха мы слышим о четырех или пяти новых законах о кукурузе, каждый из которых увеличивал количество зерна, поставляемого государством, или снижал его цену. Демократический лидер Клодий в 58 году до н. э. даже бесплатно поставлял зерно нуждающимся. Суэтоний рассказывает, что Цезарь провел частичную реформу, сократив число людей, получавших дешевое или бесплатное зерно, с 320 000 до 150 000. Эссе об установлении цен правительством, которое Гракх сделал в 123 году до н. э., было доведено до логического конца Диоклетианом в его знаменитом эдикте в 301 году н. э. В другом месте настоящий автор сделал исследование этого указа, который был найден в Малой Азии около двух веков назад выгравированным на табличках.^[36] Здесь достаточно отметить, что в этом документе император установил максимальные цены, которые было законно брать за семьсот или восемьсот различных предметов, включая еду, одежду, обувь и труд всех видов. Наказанием за продажу товара по цене, превышающей указанную в законе, была смерть. Попытка привести закон в исполнение привела к бунту и беспорядкам, и в итоге он был отменен.

Следует отметить, что в своем эдикте Диоклетиан пытался установить не минимальную, а максимальную заработную плату. Позднюю империю очень волновал вопрос труда. Она считала, что для процветания народа необходима соответствующая диверсификация промышленности, что в каждой общине должно быть достаточное количество плотников, ткачей и, например, фермеров. Достичь этой цели проще всего, сделав профессию наследственной в семье. Когда эта цель была достигнута, кастовая система закрепилась в римском обществе. Конечный результат можно увидеть в *Феодосиевом кодексе* V века, но мы не можем проследить все шаги, которыми он был достигнут. По всей видимости, государство достигло своей цели с помощью торговых гильдий. Сотни надписей свидетельствуют о существовании этих организаций в разных частях империи. Подобно тому, как центральное правительство возлагало на *курую*, или местный сенат, ответственность за налоги муниципалитета, который он представлял, так и гильдии плотников или ткачей несли ответственность за услуги, которые они были способны оказать обществу. Сначала эта обязанность была возложена на гильдии шкиперов и пекарей. Если бы они позволили своим профессиям зачахнуть, Рим, Александрия и Константинополь голодали бы. Эти профессии были "базовыми отраслями" античности. Поэтому человек, который был пекарем или моряком, обязан был оставаться им всю жизнь, а его дети должны были идти по его стопам. Постепенно в сети правительства попали и другие профессии, пока свобода в промышленности и торговле не исчезла.

Еще до того, как государство поставило под свой контроль рабочих, оно получило в собственность большую часть природных ресурсов империи. Императору принадлежали золотые рудники в Далмации и Дакии, серебряные рудники в Паннонии, железные рудники в Норикуме, оловянные рудники в Британии, мраморные карьеры, леса, глиняные карьеры и солеварни в других провинциях. Египет с самого начала был личным владением императора, а в результате конфискации или наследства он постепенно приобрел огромные владения в большинстве богатейших провинций. Большинство рудников и императорских поместий находились в ведении прокуратора и сдавались в аренду подрядчикам за фиксированную плату. Работы в поместьях выполняли арендаторы. Способствовало ли государственное владение производительности или нет, мы не можем сказать с уверенностью, но жалобы, которые мы находим в *Феодосиевом кодексе* [37] на непомерно высокие цены, взимаемые за продукцию рудников и каменоломен, как представляется, показывают, что при поздней империи они управлялись неэффективно. Результат, касающийся работников рудников и арендаторов поместий, достаточно ясен. Титулы встречаются в *Феодосийском кодексе*, [38], требующем, чтобы те, кто живет рядом с шахтами, и их дети работали в шахтах. Состояние арендаторов в императорских поместьях упало до низшей точки уже во второй половине II века, как видно из жалкого прошения, которое жители императорского поместья в Африке направили Коммоду. Со временем арендаторы этих поместий оказались не в состоянии отказаться от своей аренды или им запретили это делать, и они стали крепостными.

В этой области патернализма, о которой мы говорили, еще один важный вопрос современности имеет свой аналог в истории римской политики. Я имею в виду отношение центрального правительства к муниципалитетам на его территории. В последние годы этот вопрос принял острую форму в штатах Нью-Йорк, Пенсильвания и Иллинойс. В какой степени законодательное собрание или губернатор могут вмешиваться в исправление местных бед в Нью-Йорке, Питтсбурге или Чикаго? Римляне во времена Республики не слишком заботились о благосостоянии подвластных им городов. С созданием империи их отношение к этому вопросу заметно изменилось. Улучшение общего управления провинциями естественным образом привело к тому, что в местных органах власти провинциальных городов стали проявляться некоторые недостатки, особенно финансовая бесхозяйственность. Письма Плиния, правителя Вифинии, написанные Траяну в начале II века, очень поучительны в этом отношении. Он спрашивает своего императорского господина, что сделать в Никее, где 10 000 000 сестерций были потрачены на недостроенный театр, стены которого уже начали трескаться. [39] Может ли он проверить счета города Апамеи? Разве ему подобает проверять расточительность, проявляемую на гражданских праздниках? Из этих сравнительно небольших начинаний развилась императорская политика надзора за финансами муниципалитетов империи, и к ним были направлены кураторы, которые полностью распоряжались всей землей и другим имуществом, принадлежащим городу, и были ответственны не перед гражданами города, а перед правителем провинции. Осуществление куратором столь широких полномочий ущемляло власть местных чиновников, снижало чувство гражданской ответственности у населения и в итоге полностью подрывало местное самоуправление. Если исключить цензуру нравов во втором веке до нашей эры, то все эксперименты с патернализмом, которые проводили римляне, провалились: установление цен, контроль над рынком труда, государственная собственность и надзор за местным самоуправлением.

7. Рост городов

Дрейф большого количества людей в большие города был одной из самых сложных проблем античности, как, впрочем, и сегодня. Это означало уход фермеров и рабочих, необходимых на земле. Это привело к безработице в городах. В города стекалось так много людей, что их трудно было обеспечить достаточным количеством пищи. Во времена экономического кризиса или политических волнений города становились опасными центрами беспорядков. Обсуждение всех причин, по которым Рим и некоторые другие города выросли до непомерных размеров, завело бы нас слишком далеко. Тем не менее, мы можем упомянуть одно или два действующих влияния. Многие из местных крестьян погибли в долгих войнах. Многих крестьян постигла та же участь, и их хозяйства перешли в руки крупных землевладельцев и обрабатывались рабами. Оставшиеся крестьяне-собственники не могли конкурировать с владельцами ранчо, а свободные рабочие не могли противостоять рабам. В ранний период люди из обоих этих классов уезжали в провинции или перебирались в город, а в период поздней республики и империи размеры города увеличивались за счет большого притока рабов, которым было сравнительно легко купить свою свободу или получить ее воле своих хозяев. Чтобы прокормить этих людей и держать их в достатке, правительство бесплатно или по низкой цене раздавало им еду, устраивало бани, театры и гладиаторские состязания. Эта попытка облегчить ситуацию только усугубила зло. Привлекательность, которую правительство своими действиями добавляло к городской жизни, удерживала бывших жителей в Риме и привлекала в город других.

С этим вопросом тесно связан тревожный рост больших городов - вытеснение коренного населения Рима и Италии выходцами из-за рубежа. Мы уже отмечали, что почти девяносто процентов постоянных жителей Рима в период империи были иностранцами. Таким образом, Рим столкнулся с той же ситуацией, которая беспокоит нас. Правда, большинство иностранцев, живших в Италии, были рабами или потомками рабов, как в случае с неграми в этой стране. Это был случай скорее принудительной, чем добровольной иммиграции, но результат изменения характера населения одинаков в обоих случаях. Не только в Риме преобладали иностранцы, но и в Беневенте, и в Милане, и во всех сельских районах Италии преобладало то же состояние. Еще в одном отношении изменение характера населения Италии напоминает нам о соответствующих изменениях в нашем собственном населении. Пятьдесят лет назад большинство наших иммигрантов прибывали из Западной Европы. Этот поток иммиграции уменьшился, и мы с некоторой тревогой относимся к прибытию в наши порты большого количества людей из восточной и юго-восточной Европы. Они приезжают из стран, чьи языки, политические и социальные идеи сильно отличаются от наших. Они не могут с готовностью принять наши традиции и институты. Именно такой была ситуация в Италии во времена Империи. В результате очень интересных исследований, которые профессор Франк^[40] и другие провели по именам, найденным на надгробных плитах и в записях торговых гильдий, выяснилось, что "вся Италия, а также романизированные части Галлии и Испании во времена Империи находились под кровным преобладанием Востока". Результат был катастрофическим для римских традиций и римской политической жизни. По мнению профессора Франка, тот факт, что уже во времена Гракхов "реформы через упорядоченный компромисс уступили место революции через кровопролитие, во многом объясняется вытеснением настоящих итальянских народов людьми восточного, пунического и иберийского происхождения". Во всяком случае, присутствие этого большого восточного элемента в населении Запада помогает нам понять сравнительную готовность, с которой Рим принял принципат вместо республики. Оно помогает нам понять развитие автократии, постепенное принятие восточных титулов и церемониала при дворе, а также частичное принятие народом восточной теории власти императора.

IV. НЕКОТОРЫЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

"История всех институтов имеет глубокую ценность и неизменный интерес для всех, кто имеет мужество работать над ней. В каждой отрасли она представляет собой регулярно развивающийся ряд причин и следствий и изобилует примерами той непрерывности жизни, осознание которой необходимо для того, чтобы читатель мог лично оценить прошлое и правильно судить о настоящем. Ведь корни настоящего лежат глубоко в прошлом, и ничто в прошлом не мертво для того, кто хочет узнать, как настоящее становится таким, какое оно есть". Так писал Стаббс, заканчивая свою историю *английской конституции* и отправляя ее в печать. То, что он сказал, размышляя о зарождении конституционного правления в Англии, в большей степени относится к отношениям современных политических институтов к тем, что были в Риме. Это так отчасти потому, что мы обязаны Риму столь большой частью нашей политической философии и столь большой частью нашей политической системы. Отчасти это верно потому, что наш долг перед Римом в области политики не был оценен по достоинству, и, следовательно, мы не смогли понять происхождение и природу многих наших институтов. Непризнание огромного долга, которым мы перед ней обязаны, было естественным недосмотром. Между римской эпохой и нашими днями лежит огромная пропасть Средневековья. До тех пор, пока направление политической мысли и развитие общества в этот период не стали более понятными, тесная связь средневековой политической теории и практики с римской и наша зависимость от средневековой не были замечены. До недавнего времени студенты, изучающие современные политические институты, редко выходили за пределы своих стран или, в крайнем случае, не возвращались к эпохе Возрождения. Но, как отмечают Карлайлы в своей *"Истории средневековой политической теории"*: "От юристов второго века до теоретиков Французской революции история политической мысли непрерывна, она меняется по форме, изменяется по содержанию, но остается той же самой в своих фундаментальных концепциях". Многие авторы политологических трудов, не зная или игнорируя эту непрерывность, говорят нам, например, что представительный принцип был неизвестен в древности, или что система присяжных была английского или скандинавского происхождения. Но, к счастью, некоторые ученые, такие как Брайс, знакомые с классическими институтами, постепенно исправляют эти ошибки и помогают нам увидеть, каким образом многие из наших современных политических теорий и институтов пришли к нам из Рима.

Наш политический долг перед римлянами принимает две разные формы. Мы унаследовали от них многие теории и институты, и, во-вторых, перед нами их опыт в решении сложных практических проблем. Как мы уже отмечали в предыдущих главах, они научили нас изучать реальные государственные системы, а не пытаться строить утопии. Им мы обязаны плодотворной идеей о том, что государство можно сравнить с организмом. Концепция братства людей восходит к ранней империи, и из нее развилось международное право и его аналог - гражданское право. Римские писатели признавали три формы правления, монархию, аристократию и демократию, и указывали на важность разделения функций правительства между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. От них мы получили нашу общепринятую доктрину народного суверенитета, к ним же восходит теория божественного права королей. Римляне разработали столь важное для английского общего права различие между статутами и обычаями, официально признанными, и показали огромные преимущества, присущие гибкой конституции, состоящей из этих двух элементов. Они передали нам принцип представительства, метод суда присяжных, гражданское право,

четкую концепцию прав гражданина, ревностное отношение к закону и традиции, всеобъемлющую систему политических сдержек и противовесов, образцовые системы местного самоуправления и государственной службы, а также методы управления, цивилизации и объединения чужих народов, которые никогда не были превзойдены.

Именно об этом последнем вкладе Рима в развитие цивилизации думал Моммзен в конце своего долгого исследования римской истории и институтов, когда писал: "Если бы ангел Господень взвесил, управлялась ли область, которой правил Северус Антонин, с большим умом и большей гуманностью в то время или в наши дни, продвинулась ли цивилизация и национальное процветание в целом с того времени или отступила назад, очень сомнительно, что решение оказалось бы в пользу настоящего".

ПРИМЕЧАНИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Договоренности, которые Рим заключил с несколькими городами Сицилии, изложены Цицероном в его оратории *In Verrem*, III. 12-14.
- [2] Традиционная история Децемвирата и его кодификации *Законов двенадцати таблиц* графически рассказана Ливием, III. 32-54. Некоторые из сохранившихся фрагментов этих законов можно увидеть в книге Ф. Д. Аллена *"Остатки ранней латыни"*, Бостон, 1899, стр. 84-92.
- [3] О деятельности цензоров см. Heitland, *The Roman Republic*, *passim*.
- [4] Об управлении провинциями при Республике можно прочитать Arnold-Shuckburgh, С. III.
- [5] Интересное обсуждение мотивов и политики К. Гракха есть у В. В. Фаулера в его *"Римских очерках и интерпретациях"*, Оксфорд, 1920, с. 99-110.
- [6] Блестящий анализ политической политики Помпея и Цезаря можно найти в книге Э. Мейера *"Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus"*, Stuttgart, 1919.
- [7] О правовой основе принципата Августа см. Abbott, *Roman Political Institutions*, pp. 267-273.
- [8] О провинциях при Августе см. Arnold-Shuckburgh, глава IV. Их список см. в Sandys, pp. 401 и далее.
- [9] Пять муниципальных хартий приведены в английском переводе Э. Г. Харди в его *"Шести римских законах и трех испанских хартиях"*, Оксфорд, 1911-12.
- [10] Знаменитый эдикт Каракаллы, на который ссылаются в Кодексе Юстиниана и в других местах, теперь можно увидеть в № 40 *"Грихских папирусов в музее Оберхессенского гешиктсверайн цу Гиссен"*, Э. Корнеманн и П. М. Мейер, Лейпциг, 1910.
- [11] О бюро Адриана и его преемников см. Хиршфельд.

- [12] Наиболее удобное издание *Кодекса Юстиниана* можно найти в *Corpus Iuris Civilis*, 3 тома, под ред. Моммзена и др. Берлин, 1895.
- [13] Латинский текст конституции Веспасиана можно найти в К. Е. Bruns, *Fontes Iuris Romani Antiqui*, Leipzig, 1893, ⁷no. 56.
- [14] Ср. F. F. Abbott, on "The Referendum and the Recall Among the Ancient Romans," in *The Sewanee Review*, XXIII. 84-94 (1915).
- [15] Обсуждение этих войн у профессора Франка см. в главах V, VI и XIII. Ср. также Ливий, XXI. 4. 1.
- [16] Сравнение римского сената и сената США см. в главе "История двух олигархий".
- [17] Более полное обсуждение представительного правления у римлян в период республики см. в книге Франка "*Римский империализм*", с. 45, 209, 299, 301.
- [18] Клятву фашистов можно найти в лондонской "*Таймс*" от 2 января 1923 года. Лучшая на сегодняшний день литература об этом движении - *Discorsi Politici*, Benito Mussolini (Milan; *Essercizio Tipografico del "Popolo d'Italia"*, 1922). *Il Fascismo nella Vita Italiana*, Pietro Gorgolini. Предисловие Б. Муссолини (Турин; Anonima Libreria Italiana). *Fascismo Liberatore*, Cipriano Giachetti (Florence; Bemporad).
- [19] О преторском суде см. Abbott, *Roman Political Institutions*, pp. 105 ff.
- [20] Яркую иллюстрацию расхлябанности процедур в римских судах дает Цицерон в письме к Аттику (*ad Atticum*, I. 16. 3-6), переведенном Е. О. Winstedt, *Letters to Atticus*, 3 vols., New York, 1919, в *The Loeb Classical Library*. О ходе судебного разбирательства в римском суде см. А. Н. J. Greenidge, *The Legal Procedure of Cicero's Time*, Oxford, 1901, pp. 456-504.
- [21] О налогообложении в провинциях см. Arnold-Shuckburgh, глава VI. О таможенных пошлинах см. R. L. V. Cagnat, *Étude Historique sur les Impôts Indirects chez les Romains*, Paris, 1882.
- [22] О налоговой системе Диоклетиана см. Pauly-Wissowa-Kroll, III. 1513 и далее; Daremberg-Saglio, V. 434 и далее.
- [23] "Первая монета Рима", в *Классической филологии*, XIV. 314-327 (1919).
- [24] О жизни в провинциях см. книги Бушье, приведенные в библиографии.
- [25] Системы дорог в провинциях можно увидеть в *Малом классическом атласе* Мюррея или в "*Companion to Roman History*" Х. С. Джонса, Оксфорд, 1912, карта 4.
- [26] См. Reid, pp. 279 и далее.
- [27] См. главы I и II в книге "*Простые люди Древнего Рима*".
- [28] Подробное описание метода основания колоний и их список можно найти в Pauly-Wissowa-Kroll, IV. 510 ff.
- [29] Рассказ о колонии Айдахо см. в Albert Shaw, "From New York to Idaho," in *The American Review of Reviews*, LXIV. 177-182 (1921).

[30] См. главу о торговых гильдиях и корпорациях в книге Эббота *"Common People of Ancient Rome"*.

[30a] Это утверждение не относится к Малой Азии, где мы знаем о забастовках в римские времена в Эфесе, Пергаме, Милете и Сардах. Забастовка пекарей в Эфесе (Kern, *Die Inschriften von Magnesia*, № 114, надпись, которая, как мы теперь знаем, сделана в Эфесе) произошла во втором веке н.э. Другие забастовки - это забастовки строителей, одна во втором веке н.э. в Милете на римском театре (*Sitz. Berl. Ak.* 1904, p. 83); о Пергама см. *Athen. Mitt.* XXIV, 1899, p. 199 (также II в.); для Сардиса *C.I.G.* 3647. В статье У. Х. Баклера о *трудовых спорах в провинции Азия*, которая вскоре появится в *Anatolian Studies in Honor of Sir W. M. Ramsay*, Manchester, 1923, обсуждается этот вопрос. [D. M. R.]

[31] О неспособности "большого бизнеса" определять политику римского государства см. в книге Франка *"Римский империализм"*. Иную точку зрения предлагает Ферреро.

[32] "Race Mixture In The Roman Empire," in *The American Historical Review*, XXI. 689-708 (1916).

[33] Среди руководителей, которые обращались непосредственно к избирателям, можно назвать губернатора штата Нью-Йорк Хьюза и президентов Рузвельта и Вильсона.

[34] Август упоминает о своих вознаграждениях солдатам в главе 17 своего труда *"Res Gestae Divi Augusti"*; перевод на английский язык *"The Deeds of Augustus"*, W. Fairley, University of Pennsylvania, Philadelphia, 1898.

[35] О методах подсчета населения города Рима см. в J. Beloch's *Bevölkerung der griechisch-römischen Welt*, Leipzig, 1886, chapter IX. sec. 2 и "Die Bevölkerung Italiens im Altertum," in *Klio*, III. 471-490 (1903).

[36] Об эдикте Диоклетиана см. главу "Эдикт Диоклетиана и высокая стоимость жизни" в книге Эббота *"Простые люди Древнего Рима"*.

[37] См. *Феодосийский кодекс*, (*Theodosiani Libri XVI* ed. Th. Mommsen, Berlin, 1905), 10, 19, 1. 2. 8.

[38] О принуждении к работе в шахтах см. *Феодосийский кодекс*, 10, 19, 5. 6. 7. и 15.

[39] О расспросах Плиния см. *Epistulae ad Traianum*, 39; ср. 31 о работе в шахтах.

[40] О притоке в Италию и на Запад людей восточного происхождения см. Т. Франк, в *The American Historical Review*, XXI. 689-708 (1916) и *"Экономическую историю Рима"* Франка, pp. 154 ff. et passim.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Общие истории Рима

Boak, A. E. R., *A History of Rome to 565 A.D.* New York, 1921.

Ferrero, G., *The Greatness and Decline of Rome*. 5 vols. New York, 1909.

Fowler, W. Warde, *Rome* (Home University Library). London, 1912.

Frank, T., *Roman Imperialism*. New York, 1914.

Frank, T., *A History of Rome*. Нью-Йорк, 1923.

Gibbon, Edward, *The Decline and Fall of the Roman Empire* (Edition of J. B. Bury). 7 vols. London, 1896-1900.

Heitland, W. E., *The Roman Republic*. 3 vols. Cambridge, England, 1909.

Mommsen, Th., *The History of Rome* (Translated by W. P. Dickson), 5 vols. New York, 1895.

Pelham, H. F., *Outlines of Roman History*. New York, 1905.⁴

Jones, H. Stuart, *The Roman Empire, B.C. 29-A.D. 476* (The Story of the Nations). New York, 1908.

Schiller, H., *Geschichte der römischen Kaiserzeit*. 2 vols. Gotha, 1883.

II. Провинции и муниципалитеты

Арнольд, У. Т., Шакбург, Э. С., *Римская система управления провинциями*. Оксфорд и Нью-Йорк, 1914.

Liebenam, W., *Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche*. Лейпциг, 1900.

Marquardt, J., *Römische Staatsverwaltung*, vol. I. Leipzig, 1881.

Mommsen, Th., *The Provinces of the Roman Empire from Caesar to Diocletian* (Translation by W. P. Dickson). 2 vols. New York, 1909.

Reid, J. S., *The Municipalities of the Roman Empire*. Кембридж, Англия, 1913.

III. Политические институты

Эббот, Ф. Ф., *История и описание римских политических институтов*. Boston, 1911.³

Botsford, G. W., *The Roman Assemblies*. New York, 1909.

Hirschfield, O., *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian*. Berlin, 1905.²

Mommsen, Th., *Römisches Staatsrecht*. 3 vols. Leipzig, 1887.

Willems, P., *Le Droit Public Romain*. Louvain, 1888.⁶

Willems, P., *Le Sénat de la République Romaine*. 3 vols. Louvain, 1883.

Willoughby, W. W., *The Political Theories of the Ancient World*. New York, 1903.

IV. Социальная и экономическая жизнь

Эббот, Ф. Ф., *Общество и политика в Древнем Риме*. Нью-Йорк, 1909.

Эбботт, Ф. Ф., *Простые люди Древнего Рима*. Нью-Йорк, 1911.

Bouchier, E. S., *Life and Letters in Roman Africa*. Оксфорд, 1913.

Бушь, Э. С., *Испания под властью Римской империи*. Оксфорд, 1914.

Бушь, Э. С., *Сирия как римская провинция*. Оксфорд, 1916.

Бушье, Э. С., *Сардиния в древние времена*. Оксфорд, 1917.

Dill, S., *Roman Society from Nero to Marcus Aurelius*. Нью-Йорк, 1905.

Фаулер, В. В., *Социальная жизнь в Риме в эпоху Цицерона*. Нью-Йорк, 1909.

Frank, T., *An Economic History of Rome*. Балтимор, 1920.

Friedländer, L., *Roman Life and Manners under the Early Empire* (Translation by Freese and Magnus). 4 vols. London and New York, 1908-1913.

V. Общие справочники

Daremberg, Charles, et Saglio, M. E., *Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines*. 5 vols. Paris, 1875-1919.

Jones, H. Stuart, *Companion to Roman History*. Oxford, 1912.

Lübker, F., *Reallexikon des klassischen Altertums*. Leipzig, 1914.⁸

Pauly, A. F. von, Wissowa, Georg, Kroll, W., *Real-Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft*. 11 томов (неполный). Штутгарт, 1894-1922.

Sandys, J. E., *A Companion to Latin Studies*. Cambridge, England, 1921.³

Наш долг перед Грецией и Римом

АВТОРЫ И НАЗВАНИЯ

1. Гомер. Джон А. Скотт, *Северо-Западный университет*.
2. Сафо. Дэвид М. Робинсон, *Университет Джона Хопкинса*.
- 3А. Еврипид. Ф. Л. Лукас, *Королевский колледж, Кембридж*.
- 3В. Эсхил и Софокл. Дж. Т. Шеппард, *Королевский колледж, Кембридж*.
4. Аристофан. Луис Э. Лорд, *Оберлинский колледж*.
5. Демосфен. Чарльз Д. Адамс, *Дартмутский колледж*.
6. Поэтика Аристотеля. Лейн Купер, *Корнельский университет*.
7. Греческие историки. Альфред Э. Циммерн, *Уэльский университет*.
8. Лукиан. Фрэнсис Г. Аллинсон, *Брауновский университет*.
9. Плавт и Теренций. Чарльз Кнапп, *Барнард-колледж, Колумбийский университет*.
- 10А. Цицерон. Джон К. Рольф, *Пенсильванский университет*.
- 10В. Цицерон как философ. Нельсон Г. Маккреа, *Колумбийский университет*.
11. Катулл. Карл П. Харрингтон, *Уэслианский университет*.
12. Лукреций и эпикурейство. Джордж Депю Хадзиц, *Пенсильванский университет*.

13. Овидий. Эдвард К. Рэнд, *Гарвардский университет*.
14. Гораций. Грант Шоуэрман, *Висконсинский университет*.
15. Вергилий. Джон Уильям Маккейл, *Баллиол-колледж, Оксфорд*.
16. Сенека. Ричард Мотт Гаммер, *Чартерная школа Уильяма Пенна*.
17. Римские историки. Г. Ферреро, *Флоренция*.
18. Марциал. Пол Никсон, *Бовдоин-колледж*.
19. Платонизм. Альфред Эдвард Тейлор, *Сент-Эндрюсский университет*.
20. Аристотелизм. Джон Л. Стокс, *Колледж Святого Иоанна, Оксфорд*.
21. Стоицизм. Роберт Марк Уэнли, *Мичиганский университет*.
22. Язык и филология. Роланд Г. Кент, *Пенсильванский университет*.
23. Риторика и литературная критика.
24. Греческая религия. Уолтер В. Хайд, *Пенсильванский университет*.
25. Римская религия. Гордон Дж. Лаинг, *Университет Макгилла*.
26. Мифологии. Джейн Эллен Харрисон, *Ньюнхемский колледж, Кембридж*.
27. Теории о бессмертии души. Клиффорд Х. Мур, *Гарвардский университет*.
28. Сценические древности. Джеймс Т. Аллен, *Калифорнийский университет*.
29. Греческая политика. Эрнест Баркер, *Королевский колледж, Лондонский университет*.
30. Римская политика. Фрэнк Фрост Эббот, *Принстонский университет*.
31. Римское право. Роско Паунд, *Гарвардская школа права*.
32. Экономика и общество. М. Т. Ростовцев, *Висконсинский университет*.
33. Военные действия на суше и на море. Э. С. Маккартни, *Мичиганский университет*.
34. Греческие отцы. Рой Дж. Деферрари, *Католический университет Америки*.
35. Биология и медицина. Генри Осборн Тейлор, *Нью-Йорк*.
36. Математика. Дэвид Юджин Смит, *Педагогический колледж, Колумбийский университет*.
37. Любовь к природе. Х. Р. Фэрклоу, *Университет Леланд Стэнфорд Джуниор*.
38. Астрономия и астрология. Франц Кюмон, *Брюссель*.
39. Изобразительное искусство. Артур Фэрбенкс, *Музей изящных искусств, Бостон*.
40. Архитектура. Альфред М. Брукс, *Суортморский колледж*.
41. Инженерия. Александр П. Гест, *Филадельфия*.
42. Греческая частная жизнь, ее пережитки. Чарльз Бертон Гулик, *Гарвардский университет*.

- 43. Римская частная жизнь, ее пережитки. Уолтон Б. Макдэниел, *Пенсильванский университет*.
- 44. Народные предания. Кэмпбелл Боннер, *Мичиганский университет*.
- 45. Греческое и римское образование.
- 46. Христианские латинские писатели. Эндрю Ф. Уэст, *Принстонский университет*.
- 47. Римская поэзия и ее влияние на европейскую культуру. Пол Шори, *Чикагский университет*.
- 48. Психология.
- 49. Музыка.
- 50. Древний и современный Рим. Родольфо Ланчиани, *Рим*.

Примечания транскриптора

Стр. 19: "знати" заменено на "дворянству".

Стр. 56: "расстроен" заменено на "недоволен".

Страница 57: "аналогичное неуважение" заменено на "подобное неуважение".

Страница 74: "Branches of Goverment" заменено на "Branches of Government".

Стр. 147: "скупые ассигнования" заменено на "скупые ассигнования"